

910571
1170

КРАЙ

БНАДИЗМА

В.Абылгазиев

КРАУ

ПОЛИТИЧЕСКОГО БАНДИТИЗМА

(НА МАТЕРИАЛАХ
КИРГИЗИИ)

ФРУНЗЕ
«КЫРГЫЗСТАН»
1984

Абылгазиев В. И.

А 17 Крах политического бандитизма.— Ф.: Кыргызстан, 1984. — 96 с.

В книге на фактическом материале разоблачается политический бандитизм международного империализма в лице басмачества, собранного вокруг себя оголтелый сброд внутренней контрреволюции — от остатков белогвардейцев и баймаинов до матерых уголовников в тщетной попытке свергнуть молодую Советскую власть в Киргизии.

А 0505040000—201 74.84
М 451 (17)—84

ББК 63.3 (2 Кн)

Рецензент — доктор исторических наук
В. Д. Поликарпов

570927

ВВЕДЕНИЕ

Советский опыт защиты революционных завоеваний, борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией отражает общие закономерности, формы и принципы, имеющие непреходящее значение для народов, которым приходится и сегодня решать сходный комплекс задач. В переломный момент истории контрреволюция, потерпев сокрушительное поражение на родине, старается консолидировать свои силы в эмигрантских кругах, пользуясь поддержкой международного империализма. Так было после победы социалистической революции в России и в странах народной демократии. Подобная ситуация в настоящее время складывается, например, в Кампучии, Афганистане, Никарагуа, Мозамбике и других государствах, ставших на путь независимого развития.

Ныне, когда империалисты Соединенных Штатов Америки и их союзники, прикрываясь демагогическими лозунгами «борьбы с международным терроризмом», стараются задушить освободительное движение народов Азии, Африки и Латинской Америки, вопрос о защите революционных завоеваний встает как никогда остро. В связи с этим и сегодня является актуальным ленинское положение о том, что социалистическая революция в России «...показывает всем странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего»¹.

Особенно ценен в этом отношении опыт революционного строительства в национальных регионах нашей страны. Со времени добровольного вхождения Киргизии в состав России киргизский народ, как и другие народы Средней Азии и Казахстана, был вовлечен капитализмом Российской империи в единую экономическую сферу, а в политическом плане — в общероссийский революционный процесс. «На общей экономической базе, — пишет академик И. И. Минц, — возникла и общая политическая основа социалистической революции — союз рабочего класса России во главе с партией коммунистов с беднейшим крестьянством, составляющим значительное большинство крестьянства. Единство всех трудящихся в борьбе против диктатуры буржуазии явилось прямым следствием объективной экономической закономерности Октябрьской революции. Трудящиеся всей страны, независимо от областных и национальных делений, вместе боролись за ликвидацию империалистической войны, за свержение буржуазной власти, не желавшей дать народу ни мира, ни земли, ни свободы. И, что особенно важно подчеркнуть, все трудящиеся боролись под руководством партии большевиков, верно учитывавшей интересы народов и указавшей правильный путь освобождения от гнета империализма»².

Как отмечается в юбилейном постановлении ЦК Компартии Киргизии о 60-летию Киргизской ССР и Коммунистической партии Киргизии: «Становление и упрочение власти Советов в Туркестане, частью которого была Киргизия, осуществлялось, как и во всей стране, под руководством великого Ленина, партии коммунистов, при ведущей роли революционного рабочего класса России»³.

Однако революционный процесс в различных районах страны проходил по-разному, в зависимости от особенностей их конкретно-исторического развития — от состояния экономики и культуры, национального состава населения, характера колониального гнета и других местных условий.

Апологеты буржуазии фальсифицируют объективные закономерности Октябрьской революции, пытаются игнорировать их особенности, которые обуславливали специфику революции на местах. Они показывают процесс установления Советской власти в национальных районах как ее навязывание местному населению «штыками русских красноармейцев». Одним из постоянных тезисов современной буржуазной историографии, освещающей историю установления Советской власти в Средней Азии и Казахстане, является утверждение, что большевики, если и пользовались известным влиянием, то только среди определенной части русского населения бывшего Туркестанского края, а коренное население этого региона, мол, в период революции и гражданской войны поддерживало буржуазно-националистические течения, претендовавшие на государственную власть. В результате классовая борьба в Туркестане извращается в трудах фальсификаторов и представляется как «борьба между русскими и мусульманами». В рамках этой трактовки развивается фальсификаторская версия о насильственном экспорте революции, якобы проводившемся большевиками, и подводится своеобразный фундамент под различного рода утверждения о «русификации национальной окраины», о «продолжении колониальной политики царизма» и тому подобные измышления.

В целом, главная особенность современной буржуазной историографии состоит в стремлении вопреки всяческим фактам реабилитировать силы внутренней и внешней контрреволюции, обелить басмаческое движение, представляя его как общую национальную борьбу против Советов. Буржуазным фальсификаторам хотелось бы видеть в басмачестве социальный протест масс, «революцию беков», как называют порой на Западе это контрреволюционное движение. Так, Н. М. Шахрани, антрополог университета Невадо-Рено (США), касаясь восстания 1916 г. народов Средней Азии, пытается безосновательно утверждать, будто бы именно это восстание повлияло на «революцию бе-

ков» — движение басмачества, которое он всецело относит к серии национальных «движений и акций революционного характера»⁴.

Продолжая свои прежние писания в духе воинствующего антикоммунизма, предатель родины Б. Хаит, характеризуемый на Западе как «лучший специалист по Туркестану», руководитель «Института изучения Туркестана» (фактически не существующего), превозносит басмачество как основную форму национальной борьбы против Советов. Рассматривая, в полном соответствии с духом «холодной» войны, Туркестан, как возможное «средство борьбы против советско-русского империализма», Б. Хаит призывает Запад оказать вооруженную поддержку афганским душманам, а затем перейти к военному походу «за освобождение Туркестана»⁵.

Общее между басмаческим движением в СССР в 1920-х годах и душманским бандитизмом сегодня в Афганистане прослеживается по многим параллелям, это признают и буржуазные исследователи за рубежом, даже явные антисоветчики. Правда, признают они это с фальсификаторских позиций, выдавая басмачей и душманов за борцов за веру, национальное самоопределение. Так поступают, в частности, сотрудники французского фонда исследований национальной обороны, специализирующиеся по истории национальных меньшинств СССР, Китая и Афганистана. В своей книге «В глубинах империй, или участь Центральной Азии между Китаем, СССР и исламом» авторы фальсифицируют борьбу народов Средней Азии с басмачами и искажают политику советского правительства и Афганистана, прогнозируя некую традиционную «агрессию» СССР⁶. Более чудовищных прогнозов и призывов к открытой борьбе с Советским Союзом трудно представить. Современная жизнь показывает всю опасность такого курса, объективное же обращение к истории — всю абсурдность и тенденциозность писаний буржуазных фальсификаторов.

Изучение истории Октябрьской революции и гражданской войны в регионе убедительно доказывает, что национальная буржуазия, феодальная верхушка и клерикалы не выражали интересов широких народных масс, а отстаивали только свои классовые позиции. Поэтому их политический крах не был случайным, являлся не столько результатом вооруженного разгрома красновардейскими и красноармейскими отрядами, сколько закономерным и естественным завершением революционного процесса в крае, когда миллионные массы трудящихся коренных национальностей отвергли басмачество идейно, разгромили его физически.

Эта борьба не была простой и легкой. Еще весной 1918 г., когда гражданская война в России только разворачивалась, В. И. Ленин предупреждал, что классовое противоборство будет длительным, поскольку на смену обанкротившимся формам борьбы контрреволюция будет выдвигать ловые. «И мы переживаем самый тяжелый, самый мучительный период перехода от капитализма к социализму — период, который неизбежно, во всех странах, будет долгим, очень долгим периодом, потому что, — говорил он, — на каждый успех угнетенного класса угнетатели отвечают новыми и новыми попытками сопротивления, свержения власти угнетенного класса»⁷.

Важной формой вооруженного сопротивления контрреволюции был политический бандитизм. Борьба с ним являлась составной частью классовой борьбы пролетариата и беднейшего крестьянства со свергнутыми эксплуататорами — феодалами и буржуазией.

В годы гражданской войны бандитизм, как и контрреволюционные мятежи, направляемый внутренней и внешней контрреволюцией, преследовал цели свержения Советской власти и реставрации старых порядков. В основе политического бандитизма в этот период лежали контрреволюционные тенденции к реставрации старого мира, при этом, жонглируя псевдонародными лозунгами, белогвар-

дейцы, кулачество и националисты обманым путем пытались втягивать в свое движение середняцкие и бедняцкие слои крестьянства.

Политический бандитизм включал в себя террор против партийных и советских работников, преследуя цель запугать местные органы Советской власти и трудящиеся массы населения. Впоследствии он целиком выродился в уголовный бандитизм. Как правило, подстрекателями политического бандитизма были остатки обанкротившихся, но не желавших сложить оружие в борьбе против Советов партий эсеров, меньшевиков, анархистов и националистов.

Наиболее опасную и организованную форму политический бандитизм приобрел в Средней Азии, где эксплуататорские классы, потерпев поражение в ходе Октябрьской революции, обратили свои взоры на националистические банды уголовников — «басмачей», используя их в борьбе с Советской властью. Стараниями внутренней и внешней контрреволюции уголовники были подняты на уровень политической силы и долгие годы использовались в качестве орудия борьбы против Советской власти. В период гражданской войны и в первые годы социалистического строительства политический бандитизм представлял немалую опасность в Туркестанском крае. Потребовались серьезная пропагандистская работа, революционное воспитание трудящихся масс и большие военные усилия, чтобы разоблачить сущность буржуазно-националистических течений, разгромить вооруженные банды контрреволюционеров, басмачей, поддерживаемых и вдохновляемых агентами империалистических держав и контрреволюционным подпольем. Борьба с политическим бандитизмом представляла собой не изолированное явление, а составную часть общей борьбы с контрреволюцией в масштабе всего Советского государства.

После изгнания интервентов и окончательного разгрома белогвардейских армий бандитизм стал главной опасностью для Советского государства, основой формой

борьбы внутренней и внешней контрреволюции против Советской власти. В. И. Ленин на X съезде РКП(б) 8 марта 1921 года говорил: «...мы оказываемся втянутыми в новую форму войны, новый вид ее, которые можно объединить словом: бандитизм»⁸. Основной целью бандитизма этого периода были попытки сорвать мероприятия Советской власти по восстановлению народного хозяйства и экономические планы по социалистическому строительству.

Успешное начало социалистического строительства в многонациональном государстве не оставляло никаких надежд для свергнутых и изгнанных эксплуататоров на возвращение былого «рая». Этого не могли не видеть и империалисты, взявшие на свое содержание остатки вооруженных банд белогвардейцев и басмачей. Только при их непосредственной помощи бывшие правители Хивы и Бухары могли в течение ряда лет организовывать набеги басмаческих банд на территорию республик Средней Азии. Но национальные части Красной Армии при поддержке российского пролетариата решительными действиями изгнали с обновленной земли «посланцев», проклятых собственным народом «правителей».

События, имевшие место в Туркестане в 20-е годы, в том числе и в Киргизии, уже отошли в историю, но не потеряли свою актуальность. Империалистические круги и сегодня возрождают старую, не раз уже битую, тактику в борьбе с революционными народами Афганистана, Никарагуа, Кампучии, Анголы, Мозамбика и др. Действия афганской контрреволюции со всей наглядностью показывают всему миру, кто стоит за спиной «душманов» и «борцов за веру», уже который год терроризирующих мирное население Демократической Республики Афганистан. Собирая под знамена контрреволюции классовых врагов и уголовный сброд, вооружая их, пакистанская военщина при подстрекательстве империалистов США и других стран пытается руками наемных убийц потопить в крови все, что было завоевано Апрельской революцией 1978 г., сорвать

пли, по крайней мере, задержать мирное созидание афганского народа. Но им это не удастся. Не задержать революционного процесса преобразования мира, не повернуть историю вспять. Еще на заре Советской власти В. И. Ленин сказал: «Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда»⁹.

СООТНОШЕНИЕ КЛАССОВЫХ СИЛ В ПЕРИОД УСТАНОВЛЕНИЯ И УТВЕРЖДЕНИЯ ВЛАСТИ СОВЕТОВ

Без четкого представления того, что из себя представляла Киргизия в канун Октября, во всех аспектах общественной, политической и экономической жизни, нельзя понять той атмосферы, в которой проходила борьба за утверждение Советской власти, ее специфики, особенностей, обусловивших здесь весь процесс классовой борьбы.

Киргизия в административно-территориальном отношении накануне революции состояла из Пишпекского, Пржевальского и Нарынского уездов Семиреченской области, предгорных и горных волостей Аулие-Атинского уезда Сыр-Дарьинской области, Ошского уезда, предгорных и горных волостей Андijanского, Наманганского, Ферганского, Кокандского уездов Ферганской области, а также части Ходжентского уезда Самаркандской области.

Численность киргизов по частичной переписи 1917 г. составляла 607600 чел.¹⁰. Национальный состав населения был неоднородным. Здесь, на небольшой по своим размерам территории (198,5 тыс. км² — в современных границах), большую часть которой занимают горы, наряду с киргизами проживали русские, украинцы, узбеки, казахи, таджики, дунганы и другие народности.

Городских жителей было немногим более 10%. В основном это были чиновники, буржуазия, духовенство, торговцы, ремесленники (численность киргизов в городах состав-

ляла всего 6800 чел.). В городах рабочая прослойка была незначительной, да и рабочий класс как таковой здесь отсутствовал.

Большинство киргизского населения занималось кочевым и полукочевым скотоводческим хозяйством в горных и предгорных зонах Тянь-Шаня.

Киргизия была аграрным краем. Богатая сельскохозяйственным сырьем и полезными ископаемыми (здесь как бы представлены в залежах все элементы таблицы Менделеева), Киргизия в начале XX века стала местом приложения российского и иностранного капитала.

Проникновение капитализма в экономику киргизских хозяйств выражалось не столько в развитии производительных сил, сколько в усилении угнетения трудящихся масс и эксплуатации природных ресурсов. Несмотря на то, что хлопководческое хозяйство южной Киргизии капитализм уже вовлек в свою орбиту, тем не менее в методах его ведения, способах привлечения рабочей силы было много от средневековья. Естественно, в этих условиях процесс классового расслоения проходил медленнее, затухался патриархально-феодалными отношениями. Однако несмотря на это, население Киргизии накануне Октябрьской революции, вопреки утверждениям буржуазных историков, имело четко выраженную классовую дифференциацию. В целом по Киргизии в кочевых хозяйствах в 1917 г. процент батраков составлял около 12,3%. Часть их вынуждена была уходить на заработки в города и русские поселки к кулакам. Что же касается оседлых земледельческих хозяйств, то здесь процесс дифференциации был еще более значителен. Сосредоточение земли в руках хлопковых предпринимателей вело к обезземеливанию и разорению мелких хозяйств. Численность батраков в этой категории хозяйств доходила до 30%, увеличилось ряды мардикеров (поденщиков) и чайрикеров (издольщиков).

Несколько своеобразно происходил процесс расслоения в русской переселенческой деревне. Стараниями царской

колониальной администрации первые переселенцы имели льготы, что позволило им укрепить свои хозяйства и в некоторых случаях поставить их на промышленную основу. Однако приток переселенцев-самовольцев (особенно после революции 1905—1907 гг.) увеличил в их среде беднейшую прослойку. Наблюдалось существенное различие даже между селами, делившимися на «старые» и «новые». В старожильческих селах, например, Пишпекского уезда был намного выше удельный вес кулачества, доходивший до 20,5% от общего числа хозяйств, устойчивее в экономическом плане и середняцкие хозяйства (до 28,6%). В новых же селах кулачество составляло всего 1%, несколько меньше было и середняков — 23%¹¹. Первая мировая война ускорила процесс дифференциации в переселенческих селах. Увеличение налогов, призыв на военную службу активной части мужского населения разоряли крестьянские хозяйства. Земли за бесценок скупались сельскими богатеями, отдавались за долги. Разорившиеся крестьяне уходили на заработки, или обрабатывали бывшую свою землю, но уже в качестве батраков на чужих полях.

В городах также шел процесс разорения мелких торговцев и ремесленников, которые оказывались за пределами своей социальной среды, пополняя ряды обездоленной бедноты.

Общая численность рабочих на территории Киргизии была небольшой. На 60 предприятиях Пишпекского, Пржевальского и Ошского уездов работало около 800 чел. кадровых рабочих, не считая рабочих мелких полукустарных предприятий. Сравнительно многочисленным был отряд рабочих на каменноугольных рудниках Кызыл-Кии и Сулюкты — 1800 чел. Большинство из них были киргизы. На коях Сулюкты они составляли свыше 80%. Шахтеры Киргизии по численности, организованности, активному участию в революционном движении играли заметную роль в Туркестанском крае.

Другим местом концентрации рабочих стало строитель-

ство Чуйской оросительной системы и Семиреченской железной дороги в Пишпекском уезде. На сооружении Чуйской оросительной системы работало до 200 квалифицированных рабочих (в большинстве приехавших из разных городов России) и более 2000 чернорабочих-землекопов, мобилизованных на тыловые работы из анлов и кыштакон киргизов, казахов и дунган.

В условиях Киргизии особенно важна была организация сил трудящихся коренной национальности. Процесс этот проходил под влиянием революционных выступлений рабочего класса страны. Заметную роль в этом играли большевики. К концу 1917 г. на территории Киргизии действовали такие организации, как «Горнорабочий» в Сулюкте и Кызыл-Кие, «Союз рабочих», «Союз рабочих и чайрикеро» в Оше, демократический союз «Илетия» («Кочевник») в Ферганской области, «Союз рабочих и ремесленников» и союз «Букара» («Беднота») в Пишпекке. Они сыграли решающую роль в борьбе за власть Советов на местах, в политической организации трудящихся масс.

В ходе революционного движения, борьбы за власть Советов и защиты завоеваний революции перед большевиками стояла задача выделить и организовать пролетарские и полупролетарские слои крестьянства, превратить их в активную политическую силу и вовлечь в состав революционной армии для защиты пролетарской революции.

Эта работа несколько облегчалась тем, что большинство деревенской бедноты находилось еще на службе в царской армии. Три года империалистической войны сделали солдатскую массу особенно восприимчивой к большевистским лозунгам.

В период установления Советской власти в Киргизии большое значение имело наличие здесь демобилизованных солдатских групп, вносивших в соотношение классовых сил заметный перевес революционного элемента.

С весны 1917 г. стали возвращаться в родные места тыловые рабочие, мобилизованные по царскому Указу от 25

июля 1916 г. из числа жителей коренных национальностей (по неполным данным, было мобилизовано около 12,5 тыс. человек)¹². Возвращаясь домой, они несли с собой классовую организованность, большевистские лозунги о мире и земле, призывы к сплочению дыйканской бедноты с рабочими, ремесленниками, превращению в единую революционную силу. Определяющую роль в этом сыграла пройденная ими школа политической закалки в общении с пролетариатом и революционными солдатами России, которые помогали представителям Киргизии осознать свое классовое положение, учили их смотреть на происходящие события общественной жизни с классовых позиций. Из среды «тыловики» позже вышли руководители революционного движения, работники органов Советской власти, командиры Красной Армии, политкомиссары, военкомы. Однако в связи с тем, что в ряде мест еще отсутствовали большевистские группы, эсеры и меньшевики своими псевдореволюционными фразами сбивали с толку неискушенных в политической борьбе скотоводов и батраков. Этим воспользовались бан и манапы, стремившиеся подорвать изнутри общественные организации, созданные трудящимися коренных национальностей. Но это было временным явлением, уже в период установления Советской власти большевики, несмотря на свою малочисленность, сумели активной пропагандистской работой вывести из заблуждения тех, кто поддавался временному влиянию мелкобуржуазных идей.

В предреволюционные годы в Киргизии сосредоточилось немало призывников, солдат местных гарнизонов, передислоцировавшихся воинских частей. В г. Пишпекке квартировали 2-я Семиреченская особая казачья сотня, 25-я Туркестанская легкая батарея, караульная команда, местная команда и отделение конского запаса; в Токмаке — 2-я Семиреченская ополченская казачья сотня и рота Саратовской дружины. В Нарыне стояли 3-я сотня 6-го Оренбургского казачьего полка и местная караульная команда. В г. Пржевальске находились — сотня 3-го Семиреченско-

го казачьего полка и особая Семиреченская казачья сотня, а также 2-я и 4-я роты 243-й Самарской дружины, 26-я легкая батарея и местная караульная команда. В селе Столыпино пребывала 1-я рота 734-й Саратовской дружины. В Южной Киргизии воинских частей было поменьше. В Оше расквартировались 4-я рота Кушкинской дружины, Уральская особая казачья сотня, караульная команда и команда ошского лазарета.

Революционно настроенными были многие гарнизоны. Среди солдат большевиками велась агитационно-пропагандистская работа. Из перечисленных воинских частей и подразделений только казачьи части могли представлять опору контрреволюции. Но и они вскоре после Октября были отозваны в свои станции казачьим командованием, опасавшимся развала в их рядах.

Следует отметить, что уже к концу 1917 г. в гарнизонах Киргизии оставались лишь незначительные по численности подразделения, солдаты которых ждали очереди на демобилизацию. Но свое революционизирующее воздействие на трудящихся городов и окрестное сельское население они все же оказали, да и сами участвовали в установлении Советской власти. В городе Ташкенте на стороне восставшего народа сражались солдаты 1-го и 2-го Сибирских стрелковых полков, среди личного состава которых преобладали уроженцы Семиречья. Только в 16-ти ротах 2-го полка их насчитывалось 1435 чел., т. е. 70% личного состава полка. А в город прибывали все новые эшелоны с демобилизованными семиреченцами, которые прямо с вокзала вступали в бой. Став участниками провозглашения Советской власти в столице Туркестанского края — Ташкенте, демобилизованные солдаты-семиречки несли домой революционный дух и желание установить Советскую власть у себя.

Главной особенностью Октябрьской революции в Киргизии было то, что Советская власть устанавливалась на местах уже при наличии центральной государственной вла-

сти рабочих и крестьян. В силу этого борьба трудящихся масс за переход власти в руки Советов сразу носила форму подавления сопротивления контрреволюции.

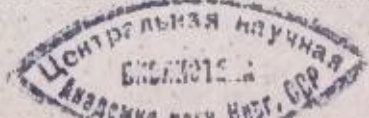
Говоря о том огромном энтузиазме, с которым встретили трудовые массы Киргизии весть о социалистической революции, товарищ К. У. Черненко в речи на торжественном собрании, посвященном вручению г. Фрунзе ордена Трудового Красного Знамени, привел один документ тех далеких времен: «Мы, батраки и киргизская беднота Нарынского уезда... — говорилось в одном из обращений, — приветствуем власть Советов и вождей пролетариата в лице Коммунистической партии, приносим им искреннюю благодарность за освобождение нас от гнета, эксплуатации и насилия ненавистного буржуазного строя. Мы клянемся больше не допустить владычества баев, манапов, кулаков и строго следить за врагами революции, беспощадно уничтожать их»¹³. И эта клятва стала сутью жизни трудящихся Киргизии. Они ее с честью сдержали.

В ходе борьбы за установление Советской власти на местах проявилась одна из закономерностей социалистической революции. А именно: там, где наиболее сплоченными были большевистские местные группы и наиболее организовано выступали рабочие, где сильнее было их влияние на крестьян и дыйканство, Советская власть устанавливалась быстрее и почти без кровопролития.

Победа Октябрьской революции и установление подлинно народной власти на местах вызвали среди коренного населения политическую активность, желание сотрудничать с новыми органами власти, с другой стороны, активизировалась буржуазная, феодально-клерикальная знать. Эксплуататорские классы прилагали усилия для того, чтобы направить энтузиазм и революционное движение киргизов, казахов, узбеков и других народов Туркестана в националистическое русло, затушевать классовый характер борьбы.

Немалое значение в расстановке политических сил в Туркестане имело то, что здесь было еще велико влияние

570917

мусульманского духовенства, усиленно проповедовавшего идеологию панисламизма. К примеру, только в Базар-Курганском участке Андижанского уезда на 75,4 тыс. жителей в 1917 г. приходилось 24 мечети с 303 служителями культа. В г. Оше были десятки мечетей, 3 медресе и сотни служителей культа, паломников.

Близок к идеологии панисламизма был пантюркизм, призывавший к объединению в одно государство всех народов, говорящих на тюркских языках. Являясь реакционными по своей сущности, обе эти идеологии в руках феодалов, ханов, духовенства и национальной буржуазии были орудиями укрепления их влияния на трудящихся Туркестана. Противопоставляя панисламизм и пантюркизм кулацкому великорусскому шовинизму, играя на этих противоречиях и националистических чувствах, они призывали трудящихся-мусульман отделиться от России, ставшей центром мирового революционного движения.

Наиболее реакционными националистическими организациями, протянувшими свои шупальца и в Киргизию, являлись «Шуро-и-Исламия» и «Улема», объединявшие представителей крупной национальной буржуазии, феодальных кругов, а также реакционного духовенства Туркестана.

Другой организацией, выражавшей интересы торговой буржуазии киргизов и казахов, была «Алаш-орда». В 1917 г. в Пишпеке создается уездный совет «Алаш-орда». Алашордынцы Киргизии имели тесную связь со своим центром, находившимся в г. Оренбурге. Программная деятельность этой организации заключалась в создании тюркского государства — «Алаш» на территории ряда областей Средней Азии и Казахстана, в том числе и Киргизии.

Выразителем интересов буржуазных и мелкобуржуазных слоев городского населения стал организованный в 1917 г. татарский союз «Иттифак».

Образованная в это же время организация «Турап» объединяла учащихся средних учебных заведений, в основном детей из богатых семей, реакционно настроенное учи-

тельство, а также чиновников упраздненных учреждений. Кроме перечисленных организаций, в Киргизии существовало несколько «союзов», в том числе дунганский, крестьянский и другие, которые непродолжительное время находились под влиянием эсеров.

Говоря о соотношении классовых сил, нельзя не упомянуть о том, что Туркестан был наводнен всевозможными уголовными элементами, среди которых наиболее организованными и многочисленными были басмаческие шайки. Именно на них обратили свой взор свергнутые эксплуататорские классы.

В районах северной Киргизии накануне Октября контрреволюционеры наспех стали сколачивать вооруженные группы, состоящие в основном из кулаков, домовладельцев и чиновников. В своих воспоминаниях участник борьбы за власть Советов в Пишпек Н. Я. Рошин пишет: «Услышав, что в городе организуется какая-то дружина, я решил в нее записаться, но меня не приняли, так как я не имел своего дома, а в нее принимали только домовладельцев»¹⁴.

Большое количество оружия оставалось в руках семиреченских кулаков еще со времени подавления национально-освободительного восстания киргизов и казахов 1916 г. В Пржевальском уезде практически еще продолжали действовать черносотенные кулацкие банды, наводя страх и ужас на беднейшие слои населения как русских, так и киргизов.

Сопrotивляясь установлению Советской власти в крае, контрреволюционные силы решили создать собственное буржуазное государство Туркестана.

Следует отметить, что при этом тактические установки и позиции контрреволюционных сил в национальном вопросе видоизменялись применительно к антисоветским задачам. С поразительной быстротой вчерашние «централизаторы», вдевшие во всяком автономном движении сепаратизм, с победой Великой Октябрьской социалистической револю-

ции превратились в сторонников национального самоопределения, а буржуазные националисты, на словах признавая Советскую власть, стремились использовать лозунги автономии в своих интересах.

Эта попытка вошла в историю под названием «кокандской автономии», которая была провозглашена IV Чрезвычайным краевым мусульманским съездом 26—29 ноября 1917 г. в г. Коканде. Контрреволюционные националистические организации «Шуро-и-Исламия» и «Улема», используя в своих интересах большевистский лозунг о праве наций на самоопределение, выдвинули программу: ликвидации Советской власти в Туркестане, отделение его от Советской России, подавление всех революционных организаций, сохранение феодально-байского землевладения, шарията, восстановление Кокандского ханства, объединение мусульман под знаменем пантюркизма. Съезд избрал законодательный «Туркестанский временный Совет» из 54 чел. и «Туркестанское автономное правительство» (председатель М. Танышбаев, а затем — М. Чокаев).

Отношение к «кокандской автономии» основной массы коренного населения стало определяющим фактором соотношения сил революции и контрреволюции в Средней Азии.

О несостоятельности политической авантюры националистической контрреволюции говорят сами факты. «Кокандское правительство» приложило немало усилий, чтобы создать контрреволюционную армию. Националисты гарантировали вступающим в их армию дыйканам крупное жалование, обеспечение их семей материально, что в условиях голода имело, несомненно, огромное притягательное значение. Однако в период революционного подъема трудящихся масс организация вооруженных сил «автономистов» успеха не имела. Их призывы дыйкане и ремесленники игнорировали. Добровольный призыв в армию дал автономистам всего лишь 60 солдат. Попытки же создать так называемую «народную армию» путем насильственной мо-

билизации вызвали у населения протесты и сопротивление. И что весьма знаменательно призывы трудящихся с просьбами защитить их от произвола и насилия «автономистов» направлялись не в Коканд, а в Ташкент.

В этих условиях единственной надежной опорой контрреволюционеров стали банды уголовников-басмачей. В распоряжение военного министра автономистов, полковника Чанышева поступило «воинство» басмача Иргаша, получившее название «гвардии». Бандиты стали именоваться «борцами за веру», а их главарь получил титул «главнокомандующего армии ислама». Первоначально численность так называемой «гвардии» составляла 150 чел., но впоследствии не без помощи «святых отцов» — мулл и ишанов, всемерно пропагандировавших «автономию», в банду Иргаша влились другие мелкие банды, а также сторонники автономистов из числа бай-манапской среды, что увеличило банду до 2 тыс. чел.

Трудящиеся Туркестана в своем подавляющем большинстве решительно выступили против авантюры националистов. В городах и селах проходили собрания трудящихся, на которых принимались резолюции, осуждавшие происки «кокандских автономистов». IV красной съезд Советов Туркестана, заседавший в Ташкенте, во исполнение требований трудящихся масс объявил «Кокандское автономное правительство» и его членов вне закона и принял решение об аресте главарей.

Решающие события, в результате которых были разгромлены силы «автономистов», проходили в феврале 1918 г.

Большая роль в разгроме «автономистов» принадлежит кызылкийскому шахтерскому отряду под командованием большевика Н. И. Едренкина, прибывшему своевременно в Коканд. Разбитые бандиты рассеялись по всему Туркестану, а их главаря сбежали. Почти трехмесячное существование антинародного режима «автономистов» бесславно завершилось.

«Кокандская автономия» была звеном в общей цепи

антисоветских выступлений в конце 1917—начале 1918 гг. Борьба с ней и ее разгром происходили в обстановке, когда всякая попытка контрреволюционеров воспрепятствовать триумфальному шествию Советской власти «приводила,— по оценке В. И. Ленина,— только к тому, что новые слои угнетенных трудящихся оказались против них не на словах, а на деле»¹⁵.

Но контрреволюция не сдавалась. Разгром «кокандской автономии» стал прологом долгой и кровопролитной борьбы с басмаческими и белогвардейскими бандами, действия которых направляли и поддерживали зарубежные империалистические страны.

В этих условиях организация вооруженной защиты завоеваний пролетарской революции стала вопросом первоочередной важности. Но продолжала сохранять свое значение и идейно-массовая, пропагандистская работа большевиков среди трудящихся масс, трудящихся коренной национальности по разоблачению буржуазно-националистических лозунгов контрреволюции.

ВОЛКИ СОБИРАЮТСЯ В СТАЮ

Советская власть победила на территории всей страны при широчайшем политическом подъеме народных масс. В Туркестане Советская власть установилась практически за период «триумфального шествия», т. е. за ноябрь 1917—февраль 1918 г.

Имея в руках политическую власть и руководствуясь декретами и распоряжениями Советского правительства, Совнарком Туркестанского края в ноябре 1917—марте 1918 г. осуществил ряд важных мероприятий по пути создания основ социалистической экономики в крае. Был введен рабочий контроль на производстве; конфискованы запасы хлопка, национализированы хлопковые предприятия, нефтяные промыслы и каменноугольные копи, транспорт и бабки.

6 декабря 1917 г. в Туркестане был принят декрет о национализации земли. Частная собственность на землю и воду отменялась навсегда. Однако национализация земли еще не полностью разрешала экономические и социальные вопросы. В частности, не были перераспределены пастбища у киргизов, которые оставались в частном владении баев и манаров. В силу этого бай-манапство долго еще сохраняло экономическую опору и служило социальной базой для контрреволюции.

Главные усилия буржуазно-националистических и феодально-байских элементов в период установления Советской власти были направлены на то, чтобы удержать местную административную власть, изолировать трудящихся коренной национальности от общероссийского революционного движения и принудить их к беспрекословному повиновению и подчинению. Выдвигая националистические лозунги, играя на религиозных чувствах забитых трудящихся масс, басмаческие главарь, где убежденным, а позже и все чаще насильственной мобилизацией собирали отряды, которые служили боевой ударной силой националистической буржуазии и бай-манапских феодалов.

Конкретные факты опровергают высказывания современных буржуазных фальсификаторов, таких, как, например, канадский адъюнкт—профессор Тереза Раковска-Хармстоун, что якобы мусульманские националистические лидеры сначала и не пытались установить свой контроль над органами местной власти, а когда, мол, очнулись, было уже поздно — «новый режим был установлен»¹⁶.

Нет, они с самого начала активно цеплялись за власть. И «кокандская автономия» — пример тому.

Лишившись государственной власти, представители националистической буржуазии, феодалов и реакционного духовенства стали прилагать основные усилия к тому, чтобы создать новую «точку опоры» для борьбы с победившим пролетариатом. Лидеры «кокандской автономии»,

сбежав от справедливого возмездия, развернули в подполье широкую подготовительную работу по сколачиванию вооруженных сил для борьбы с Советской властью.

Буржуазные историки, пытающиеся как-то обелить «автономистов», не скрывают того факта, что бежавшие к басмачам члены «кокандского правительства» придали идеологическую окраску их действиям¹⁷. Бандитов, уголовников они пытались сделать «идейными борцами», кровавыми руками которых можно было бы восстановить старые порядки.

Оперируя благородными лозунгами «за свободу», «за автономию», демагоги из числа «идеологов» свергнутых эксплуататоров, первоначально имели некоторое воздействие на политически неопытных людей и даже кое-кого увлекли за собой. Но это было временное явление.

Особенно широкий размах бандитские действия под контрреволюционными лозунгами приобрели в окраинных районах Туркестана, где и без того при царизме бандитизм был распространенным явлением. История знает немало примеров, когда, стараясь задушить революционное движение, империалисты выдвигали на политическую арену уголовных преступников, создавая для них соответствующую идеологическую платформу, снабжая оружием и «инструкторами».

На протяжении всей гражданской войны на политической арене в Фергане маячили зловещие фигуры басмаческих главарей, таких, как Иргаш, Мадамин-бек, Махамм-Ходжа, Хал-Ходжа, Муэтдин и др. Если заглянуть в досье каждого из них, то со всей очевидностью проявится бандитская сущность басмачества. Кто же такие на деле, эти «борцы за веру» на заре революции?

Иргаш. Он первым откликнулся за зов контрреволюционной «кокандской автономии». В прошлом уголовник, осужденный в 1913 г. на 14 лет каторги, он в феврале 1917 г. был амнистирован и активно включился в борьбу

против установления власти трудящихся. С именем Мадамин-бека связан целый этап борьбы с басмачеством. Как и Иргаш, Мадамин-бек в 1913 г. за уголовное преступление получил 14 лет каторги и был освобожден из заключения только в 1917 году. «Колоритной» фигурой был курбаши Махамм-Ходжа, тоже уголовник, осужденный в 1913 г. на 12 лет каторги за грабежи и убийства. Бывший ишан Хал-Ходжа Ходжаев за участие в грабежах до лета 1918 г. сидел в Ошской тюрьме, откуда бежал вместе с группой преступников, ставших ядром его шайки. Муэтдин Усман-Алиев кровью многих сотен мирных людей вписал свое имя в историю. Свои басмаческие пабеги начал еще при царском режиме. Осужденный за убийство на 5 лет каторги, он бежал из тюрьмы в горы, примкнул к шайке басмача Османа-курбаши. Убив его, Муэтдин возглавил шайку, которая наводила ужас на мирных людей.

Этот далеко не полный перечень курбашей характеризует социальное и политическое лицо басмачества в Средней Азии. Ярые враги Советской власти, они вели борьбу с ней своими бандитскими методами — налетами на мирное население, убийствами безоружных людей, поджогами, грабежами и насильем, и все это прикрывалось политическими мотивами, лозунгами ислама, национализма, пантюркизма, газавата.

Социальной опорой басмачей в послеоктябрьский период, их идеологами являлись феодалы, бывшие придворные и чиновники, бай-манапская родоплеменная знать, реакционное мусульманское духовенство, национальная буржуазия. В бандах были также и политически незрелые середняки и даже бедняки, обманутые демагогическими лозунгами главарей банд. Безграмотность и отсталость трудового дыйканства были главной причиной того, что в условиях обостренных политических битв часть его оказалась в стане своего классового врага. Играл роль и религиозный фанатизм, веками насаждавшийся в сознание людей, еще сильна была власть мулл над забитыми кочевниками-ско-

товодами и земледельцами-дыйканами. Особенно это проявлялось в районах оседлого населения, в частности в Фергане, куда входили районы южной Киргизии.

Использовались и более простые, «доходчивые» приемы. Так, Хал-Ходжа, стремясь побольше привлечь в свою банду бедняцкой молодежи, обещал оказать помощь в уплате калыма для женитьбы.

Принцип «добровольности» при наборе в басмаческие банды был чисто показным. На самом деле в банды нередко посылались зависимые от бая люди. При этом использовались в полной мере и родоплеменные пережитки, когда бан, муллы и феодалы, не спрашивая согласия бедных «сородичей», зачисляли их в басмаческие банды.

Некоторыми зарубежными «экспертами» басмачество выставляется как спонтанно возникшее, глубоко народное движение. Но действительность была иной. Конечно, борьба против басмачей была долгой и нелегкой, но они никогда не получали активной массовой поддержки трудящихся. Поведение главарей басмачества во временно захваченных ими районах, где они быстро восстановили «старый порядок» — власть феодалов и крупных землевладельцев, подсказало дыйканам их истинные цели. Последние же, «взяв дела в свои руки» и проявляя свою власть, учиняли кровавые расправы над бедняками и дыйканами, которых они подозревали в симпатиях к Советам. В этих условиях социальная активность трудящегося коренного населения Туркестана становилась все более явной. Об этом свидетельствуют многие факты. Так, еще в первой половине 1918 г. в развернувшейся по всей Фергане кампании по выборам кыштакных и волостных Советов активное участие приняли самые широкие массы населения области. В Советы были избраны в своем большинстве представители «мусульманского» пролетариата. Почти повсеместно проходили общие собрания трудящихся коренной национальности, на которых принимались резолюции, свидетельствующие о широкой поддержке Советской власти.

В то же время наблюдалась концентрация басмачей и прочей контрреволюции в «волчий стан».

В районах казацких поселений против Советской власти восстали казаки и кулацкая часть русского населения. А их, несмотря на то, казалось бы на разность, даже противоположность лозунгов, поддержали басмачи, организованные местными феодалами, баями и духовенством. Басмачи нападали на села, уничтожали посевы, поджигали склады и мастерские, убивали тех, кто становился на сторону Революции и симпатизировал новому. Они терроризировали и грабили крестьян, подвергая их хозяйства реквизициям в пользу «защиты святого дела». Уже весной 1918 г. в ряде мест Семиречья произошли открытые контрреволюционные выступления кулаков и казаков, вызванные проведением в жизнь первых декретов Советского правительства, ударивших по кулацким интересам. Контрреволюционная пропаганда, направляемая резидентами английской разведки из Кашгара, подогревала и без того напряженную обстановку. И вскоре еще не вполне оформившимся вооруженным силам Советской власти пришлось выступить на подавление мятежа дмитриевских кулаков в Таласской долине и верненских казаков, поддержанных алашордынцами.

Организацию мятежа дмитриевских кулаков против Советской власти возглавил священник Фивейский, который вместе с братьями Кохановыми и Шмариковым насильно записывал в отряд молодежь, грозя смертной расправой тем, кто осмелится отказываться. И поэтому, естественно, крестьяне при первой возможности старались бежать из таких отрядов, как и получилось в с. Дмитриевском.

Все эти мятежи не были локальными, они представляли собой звенья одной цепи, которой внутренняя контрреволюция и международный империализм пытались задуть молодое Советское государство.

Конец 1918 г. для жителей Ферганской долины отмечен появлением новых басмаческих банд, терроризировавших

мирное население. Только на одном участке Султан-Абадского и Курган-Тюбинского районов орудовали девять банд общей численностью до 300 головорезов¹⁸. При той малочисленности красноармейских гарнизонов, которых едва хватало на охрану железнодорожных станций, басмачи вершили свои разбойные дела почти совершенно открыто.

Внутренняя контрреволюция тесно консолидировалась с международной реакцией. Задачу объединения этих сил взяли на себя спецслужбы империалистических государств — Англии, Франции, Японии, США, а также Германии и Турции. Борьбу с Советским государством империалисты связывали со своими хищническими, колониаторскими интересами, направленными на отторжение от России ее национальных окраин и превращение их в свои колонии.

Туркестанская республика в антисоветских планах объединенной контрреволюции рассматривалась как важный стратегический плацдарм для нанесения удара по центру Советской России. Всевозможные иностранные миссии в Туркестане являлись фактически центрами активного шпионажа по сбору сведений о военном, экономическом и политическом положении региона. Помощь иностранным агентам оказывали контрреволюционные подпольные организации, как белогвардейские, так и националистические, а также басмачи.

Большую роль в пропаганде антисоветских идей играли агенты английской разведки. Для этой цели ими использовались обычные методы — подкуп, шантаж, агитация и т. д. Замыслы британской разведки как нельзя лучше раскрываются в описаниях непосредственных участников интервенции в Туркестане. Бывший генеральный консул и политический резидент в Кашгаре полковник Этертон задачу, стоявшую тогда перед ним, излагает следующим образом: «Хотя оказание прямой военной поддержки просоюзническим (антисоветским — ред.) элементам не предполагалось, важно было создать небольшую британскую

военную организацию, от которой протянулись бы щупальца для получения информации и для использования всего того, что может оказаться полезным»¹⁹. Из Кашгара английская миссия была переправлена в Ташкент «для обследования обстановки на месте и изучения вопросов, касающихся безопасности и благополучия Британской империи». Спрашивается, о какой безопасности могла идти речь, когда Британия находилась за тысячи верст от Туркестана?

В период мятежей белоказаков в Западном Туркестане английский шпион полковник Бейли более года скрывался и поддерживал связь с агентами белогвардейцев, а полковник Этертон установил в Кашгаре «сердечные отношения» с бывшим царским консулом Успенским, развернувшим бурную деятельность против Советской республики. По признанию самого Этертона, «сердечные отношения» с Успенским принесли ему немалый успех «в борьбе против коварной болезни большевиков». Описывая трудности, которые испытывала Советская власть в Туркестане, «столкнувшись лицом к лицу с англичанами в северо-восточной Персии и сильным сопротивлением со стороны мятежных банд в Семиречье и Фергане», он не скрывает, что поддерживал с мятежниками «связь», заключавшуюся в поставке английских фунтов стерлингов и оружия антисоветским силам во все пограничные районы.

Заметим: автор мемуаров сам называет антисоветские силы «мятежными бандами»²⁰. Выходит, даже в представленном ярого врага большевиков все сопротивляющиеся Советской власти были никем иным, как бандитами, что тем не менее не мешало англичанам использовать их для достижения своих целей.

Английская агентура пыталась использовать также религиозные и национальные чувства коренных жителей края. В докладной записке Уполномоченного Наркоминдела в Туркестане Бравина отмечалось: «Англичане... прилагают все усилия к тому, чтобы внушить населению всех

областей Туркестана, что большевики есть прямая угроза Исламу... Над распространением этих и подобных измышлений работает целая сеть английских ставленников и агентов»²¹.

Такого же рода деятельностью занимался и генеральный консул США в Ташкенте Роджер Тредуэлл. Выполняя указания своего правительства, этот высокопоставленный шпион объединил вокруг себя все иностранные миссии, которые направляли подрывную работу против Советской власти с целью спроводировать антисоветский вооруженный мятеж. Агенты устанавливали тесные контакты с мелкобуржуазными, буржуазно-националистическими и другими контрреволюционными партиями и организациями, агитировали их объединиться под одним общим руководством.

Всего в Туркестане было около одиннадцати так называемых иностранных «миссий», которые вели в основном шпионскую работу. 23 августа 1918 г. В. И. Ленин в очередной телеграмме на имя Председателя Туркестанского Совнаркома Ф. И. Колесова советовал «по отношению к послам и консулам держаться выжидательно, окружив их тройным надзором и арестуя подозрительных лиц, сносящихся с ними»²².

Успехами агентов международного империализма в Туркестане был создан ряд контрреволюционных организаций, наиболее многочисленной из которых была «Туркестанская военная организация» (ТВО), объединившая «цвет» царского офицерства. Она имела свои филиалы почти по всей территории края. Раскрытая в октябре 1918 г., «Туркестанская военная организация» не была полностью ликвидирована. Избежавшие ареста ее участники, руководимые агентами империалистических разведок, начали подготовку к новым выступлениям.

Идейные вдохновители басмачества демагогическими лозунгами и декларациями пытались создать видимость законности своих действий, на словах внушая трудовому

народу, что они стоят на страже интересов всех мусульман от «произвола» представителей Советской власти, т. е. от начавшегося социалистического переустройства края. Но когда рядовые труженники увидели, что дела со словами и лозунгами у контрреволюционеров и басмачей расходятся, что Советская власть действительно стоит на страже интересов народа, обездоленных и угнетенных, они с оружием в руках выступили против контрреволюции, начали повсеместно организовываться в отряды самообороны, вступать в Красную Гвардию и Красную Армию.

ФОРМИРОВАНИЕ КРАСНОЙ ГВАРДИИ

Новая массовая регулярная армия пролетарского государства не могла возникнуть сразу. Еще не была демобилизована старая армия. Органы военного управления на местах еще только создавались. В этих условиях только Красная Гвардия вместе с революционными солдатами старой армии да отрядами самообороны на первых порах могла выполнять роль вооруженной защиты социалистического отечества.

Организация красногвардейских дружин на территории Киргизии началась после издания постановления Совета Народных Комиссаров Туркестанского края от 28 ноября 1917 г., в котором всем Советам на местах предлагалось приступить к организации Красной Гвардии. Одновременно давалось указание военному комиссару издать приказ о выдаче оружия из войсковых частей в распоряжение Советов.

В отличие от промышленных районов России, где отряды Красной Гвардии возникли еще задолго до Октябрьской революции, Красная Гвардия в Киргизии, как и во всем Туркестане, создавалась в период установления власти Советов. Перед Красной Гвардией ставились уже качественно новые задачи: не захват власти, а подавление контрреволюционных мятежей и заговоров, обеспечение революци-

онного порядка в городах и селах, борьба с басмачеством.

В обстановке обострившегося противоборства с «кокандской автономией» Ферганский областной Совет рабочих, солдатских и мусульманских депутатов на заседании 16 января 1918 г. принял постановление о создании Красной Гвардии. Первыми по времени отряды Красной Гвардии были сформированы шахтерами Кызыл-Кие и Сулюкты. В воспоминаниях активных участников гражданской войны В. Я. Хрипченко, Н. Е. Белькова, С. Р. Лобуница отмечается, что организация отряда Красной Гвардии в Кызыл-Кие началась в январе 1918 г., сразу после сообщения о контрреволюционном мятеже «автономистов». Отряд был сформирован в количестве 130 чел., а первым его командиром стал большевик И. И. Едренкин.

Значительный отряд Красной Гвардии в декабре 1917 г. был организован шахтерами Сулюкты, командиром его назначен большевик Х. Гизатуллин.

В городах и селах южной Киргизии, по мере большевизации Советов и утверждения их власти на местах, образовывались вооруженные отряды рабочих, ремесленников и крестьян. Для их организации при Советах создавались военные секции (комиссии). В начале февраля 1918 г. на заседании военной комиссии при Ошском Совете было решено в старой части города создать отряд народной милиции из трудящихся коренной национальности под командованием члена Ошского Совета, делегата краевого съезда Советов большевика В. Султанова.

В январе 1918 г. народная милиция была создана в с. Михайловском Джалал-Абадского участка Андижанского уезда. В г. Джалал-Абаде был создан отряд милиции из 15 чел., командиром которого избрали Игемберды Саннова.

Начало организации красногвардейской дружины в Пишпеке было положено на митинге революционно настроенных рабочих, солдат, а также киргизской, русской и украинской крестьянской бедноты близлежащих сел, состоявшемся 31 декабря 1917 г. в Дубовом парке города.

В дружину записалось до 200 чел. Командиром дружины был избран большевик Г. Е. Безбородов, впоследствии член Пишпекского Совета, комиссар юстиции уезда. 1 января 1918 г. образованную дружину зачислили в караульную команду для несения внутренней службы.

3(16) января на заседании Пишпекского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов было заслушано постановление граждан села Лебединского, «Союза трудовой гарантии» и граждан села Полтавского «Об организации дружины и о выдаче винтовок с боевыми патронами». Подобные решения были приняты также в селениях Павловском, Новороссицком, Георгиевском. На организации красногвардейских отрядов сказало влияние возвращающихся со службы демобилизованных солдат-фронтовиков, которые были свидетелями образования и деятельности, а некоторые — и участниками отрядов Красной Гвардии и центральных промышленных районов.

В объявлении Пишпекского Совета о добровольной записи в уездную красногвардейскую дружину говорилось, что «дружина... создается из уволенных солдат без различия национальности и вероисповедания. Добровольно записавшиеся в гвардию обязаны иметь при себе удостоверение о благонадежности. Дружина находится в распоряжении Совета народных депутатов...»²³.

5 марта в красногвардейском отряде была образована большевистская ячейка. Днем окончательного оформления Пишпекского красногвардейского отряда считается 7-е марта, когда состоялось первое собрание красногвардейцев. Командиром красногвардейского отряда был избран большевик А. Гончаров. Численность отряда составляла 200 чел.²⁴

Большой отряд Красной Гвардии был сформирован в феврале 1918 г. в г. Токмаке, в руководстве им видную роль играли П. И. Павлов, Ф. С. Дубовицкий, Н. В. Киселев, Н. Полянский. Павел Никанорович Павлов являлся активным участником установления и упрочения Советской

власти в Семиреченской области, делегатом 2-го Семиреченского крестьянского съезда от Пишпекского уезда, комиссаром с особыми полномочиями по военным делам Семиреченской области.

В Пржевальском уезде и Нарыне, в связи с затянувшимся установлением Советской власти, организация вооруженных сил начала проводиться только с лета 1918 г., при активном содействии большевиков Верного, Токмака и Пишпека.

Организацией красногвардейских дружин и народной милиции руководили большевики, поэтому в рядах первых защитников Советской власти был высокий процент партийной прослойки. К моменту оформления красногвардейских отрядов Пишпека и Токмака в их составе находилось 80% большевиков²⁵. Почти столько же было их и в красногвардейских отрядах Кызыл-Кии и Сулюкты.

Первые отряды Красной Гвардии в северных районах Киргизии в основном состояли из бывших фронтовиков. Однако в числе красногвардейцев находились и молодые, не успевшие попасть на действительную службу или по возрасту, или вследствие распада старой армии.

С первых же дней образования отрядов Красной Гвардии местными органами власти во все села и аилы уездов делегировались агитаторы для объяснения народу целей и задач Красной Гвардии. В марте 1918 г. решением Пишпекского Совета народных депутатов в сельскую местность уезда было отправлено 20 агитаторов (10 от Совета и 10 — от Красной Гвардии). Разъяснительная работа большевиков, а главное — первые шаги красногвардейских отрядов, направленные на защиту интересов трудящихся всех национальностей, в корне изменили отношение киргизов, казахов и других народов к вооруженной защите Советской власти. В ряды вооруженных сил стали прибывать первые добровольцы из трудящихся коренной национальности. В числе первых, вступивших в Токмакскую красногвардейскую дружину к 15 февраля 1918 г., были Джумалы Болто-

баев, Алимбек Алимухамедов, Джайнак Садаев, Б. Бердыбеков и многие другие.

На плечи красногвардейцев ложилась обязанность в организации оказания помощи возвращающимся на свои места после народно-освободительного восстания 1916 г. киргизам-беженцам, в защите их от происков контрреволюционного кулачества, которое в ряде мест создавало вооруженные банды и под предлогом возмещения убытков из-за восстания творило бесчинства в аилах и кыштаках. В начале марта 1918 г. зажиточные казаки села Кегеты совершили бандитский налет на жителей киргизского села и захватили у них скот.

Пишпекский Совет заслушав следственную комиссию по этому вопросу, принял решение: «Ввиду неподчинения предписаниям Советской власти — вернуть имущество владельцев, послать в Кегеты отряд Красной Гвардии в количестве 125 чел»²⁶. Вместе с Пишпекским отрядом на подавление кулацкого бандитизма выступил также и Токмакский отряд Красной Гвардии. Во главе объединенного красногвардейского отряда Совет поставил начальника Пишпекского отряда А. Гончарова, а также членов Совета Абрамова и Безбородова, поручив им принять необходимые меры, избегая, по возможности, кровопролития.

Уже в конце апреля 1918 г. красногвардейские отряды Пишпека и Токмака реорганизовуются в подразделения Красной Армии. Что касается южных районов Киргизии, то здесь местные условия на первых порах не позволяли перейти к широкой организации Красной Армии. Однако в условиях увеличивающегося вооруженного выступления басмачества необходимость обеспечения нормальной деятельности промышленных предприятий, шахт, сельскохозяйственных работ требовала новой мобилизации сил на отпор врагу.

27 июля 1918 г. собрание шахтеров кызылкийских копей, обсудив доклад председателя партийной организации рудника И. И. Едренкина о задачах рабочих в связи с контр-

революционным переворотом в Закаспии, записало в своей резолюции: «...рабочие рудника Кызыл-Кия в числе около 700 чел. исключительно большевиков-коммунистов единогласно решили поддержать Советскую власть до последней капли крови. Мы просим СНК иметь в виду, что на руднике есть рабочая организация, которая по первому требованию в 24 часа даст несколько сот вооруженных рабочих для защиты Советской власти»²⁷.

Осенью 1918 г. на руднике Кызыл-Кия имелся отряд Красной Гвардии в 416 чел., из них 100 чел. охраняли от басмачей Маргелан. Учитывая, что басмачи действовали конными бандами, в ноябре того же года по решению рудничного Совета был создан конный отряд под командованием В. Я. Хрипченко. В Сулюкте были созданы: сводный отряд шахтеров и дыйкан — численностью 200 чел., командир Пирман Кудайбергенов, и отряд рабочих рудника — около 100 чел., под командованием Хидоята Гизатуллина. Всего в конце 1918 — начале 1919 г. в Ферганской области в отрядах Красной Гвардии и партийных дружинах находилось 1710 чел. В конце 1918 г. правительство Туркестанской республики создало в Ферганской области ряд опорных гарнизонов, в том числе на территории Киргизии в городах Кызыл-Кия, Ош, Джалал-Абад, кыштаке Учкоргон, которые вошли в оборонительную систему Ферганской области. Наряду с этим в ряде сел и кыштаків создавались отряды самообороны, только в одном Ошском уезде их было 8, объединявших 486 чел.

Одновременно, во исполнение решения I-й Ферганской областной конференции РКП(б) (16—20 ноября 1918 г.), в городах и поселках при каждой партийной организации создавались боевые отряды. В Оше из коммунистов была образована дружина, начальником которой был избран А. К. Добрынин, а затем его сменил Касымбеков С. Санджар Файзылбекович Касымбеков — делегат II съезда Компартии Туркестана; председатель Ошского уездно-городского комитета партии, с середины 1920 г. — следова-

тель Особого отдела РВС Туркестана. В ноябре того же года направлен в г. Ходжент на профработу. Осенью 1924 г. при выполнении задания зверски убит басмачами.

Партийные дружины из коммунистов коренной национальности создавались и на рудниках Кызыл-Кия — 50 чел. и Сулюкты — более 100 чел. Кроме этого, в формируемый Самаркандским областным комитетом партии отряд из Сулюкты направили 65 коммунистов и из ст. Драгомирово — 20 коммунистов.

Из-за частых нападений басмаческих банд основная работа шахтеров прерывалась боевыми действиями. О том, в каких условиях приходилось добывать уголь, так необходимый республике, красноречиво говорит телеграмма директора рудника от 11 декабря 1918 г., в которой он сообщал, что с «первого на шестое декабря в Кызыл-Кия не работали, так как было нападение шайки Иргаша и горнорабочие принуждены были стать под ружье для защиты копей»²⁸.

О боевых действиях красногвардейцев Киргизии не раз упоминалось в оперативных сводках командования Туркестанского фронта. Так, в сообщении от 13 августа 1919 г. говорилось, что в бою с басмаческой шайкой курбаши Араслана кызылкийский отряд, преследуя отступающих басмачей, взял в плен курбаши Маматуллу²⁹. В том же месяце кызылкийцы совместно с частями 7-го кавалерийского полка и отрядом маргеланской добровольческой милиции участвовали в разгроме двухтысячной банды курбаши Курширмата в кыштаке Горбуа.

Столь же активно и решительно выступали против басмачей и рабочие Сулюкты. В их послужном списке значится немало доблестных побед над басмаческими бандами, которые временами во много раз превышали их по численности. Это — разгром осиповцев на подступах к Матче, неоднократные схватки с бандами Иргаша, Холбуты и др. Охраняя копи, красногвардейцы Сулюкты вели также патрульную охрану близлежащих селений. Отряды под коман-

дованием Э. Вахилько, Минихапова, Юскаева неоднократно выезжали по первому зову трудящихся Ходженского уезда на выручку их от басмачей.

В районах южной Киргизии Красная Гвардия просуществовала до осени 1920 г., когда повсеместно вводилось всеобщее воинское обучение и образовывались военные территориальные округа.

Интернациональный характер первых вооруженных формирований Советской власти по борьбе с контрреволюцией обеспечил ей поддержку многонационального населения края, а защита отрядами мирного населения от разбойничьих набегов белогвардейцев, кулацких банд и басмачей дала ту социальную опору, которая решила в конечном итоге исход борьбы. Но борьба эта не была ни легкой, ни быстрой.

В ОГНЕННОМ КОЛЬЦЕ

Активные действия сил внутренней контрреволюции и международного империализма на территории Туркестана во второй половине 1918 г. привели к возникновению фронтов: Закаспийского, Оренбургского, Семиреченского и уже несколько позднее (1919 г.) — Ферганского. Северный Семиреченский фронт был образован решением Семиреченского облисполкома от 22 июля 1918 г. в связи с захватом интервентами и белоказаками Сергиополя (Аягуза) и других северных районов области. Вооруженным до зубов войскам контрреволюции противостояли малочисленные, пока еще плохо вооруженные и кое-как одетые добровольческие отряды Красной Армии. Так, на северном Семиреченском фронте 8-тысячной армии белогвардейцев противостояли отдельные отряды Красной Армии, общая численность которых составляла 2374 чел. А всего по области на момент открытия фронта в рядах Красной Армии было 4333 чел.³⁰

В тылу кулачество и значительная часть зажиточного

крестьянства, подстрекаемые агентами империалистических держав и белогвардейцев Сибири, готовили мятежи с целью обеспечить наступающим белогвардейцам Колчака проход на соединение с денкинцами и английскими интервентами.

Вооруженные выступления контрреволюции в Туркестане были тесно связаны с вооруженными выступлениями контрреволюции по всей стране. Особое значение для деятельности контрреволюции в Туркестане имело выступление Оренбургского казачества, которое уже с весны 1918 г., с началом проведения в жизнь первых декретов Советского правительства, встало против Советской власти. Туркестан был вторично и надолго отрезан от промышленного центра страны. «Оренбургская пробка» практически давала возможность контрреволюции сгруппировать свои силы в Туркестане для борьбы с Советской властью в крае. В этих условиях Коммунистическая партия принимала решительные меры по предотвращению белогвардейских кулацких мятежей внутри республики.

В аграрном Туркестане кулачество и часть зажиточного казачества наряду с басмачеством являли собой опасную контрреволюционную силу. С первых дней социалистического переустройства края они выступили против Советской власти, всеми мерами препятствуя преобразованиям, не затрудняя себя в выборе средств. Кулаки, как и бан, еще сохраняли экономическую силу и распространяли свое влияние на остальные слои населения путем подкупа, шантажа и прямого насилия. В условиях открытой вооруженной борьбы с контрреволюцией и интервентами опасность кулачества выросла во много раз. «Внутренним врагом» назвал В. И. Ленин кулачество, которое было способно в любой момент нанести удар в спину.

В статье «Товарищи-рабочие! идем в последний, решительный бой!» В. И. Ленин раскрыл социальную сущность кулака, его звериный облик. «И поэтому бой против кулаков мы называем *последним, решительным боем*», — писал

он, — так как восстал против Советской власти «...последний и самый многочисленный из эксплуататорских классов»³¹. По мнению Ленина, борьба с кулачеством не означала борьбу со средним крестьянством, даже если оно, обманутое кулаками, было вовлечено в антисоветские выступления. Искать со средним крестьянством союза, вовлекать его в сферу своего влияния — так ставилась задача перед партией.

Новая волна антисоветских выступлений, наиболее подготовленная в организационном отношении, началась осенью 1918 г. Обстановка к этому времени в Киргизии весьма осложнилась. Не последнюю роль в нагнетании напряженности играли левые эсеры и буржуазные националисты. Используя свое легальное положение, левые эсеры стали активными участниками контрреволюционного заговора, который готовили подпольные организации под руководством иностранных империалистов. Общий контрреволюционный мятеж должен был начаться весной 1919 г., причем одновременно на всей территории Туркестанской АССР и с таким расчетом, чтобы приурочить его к наступлению белогвардейских армий на Восточном фронте и на фронтах, окружавших Туркестанскую республику.

Однако органами ЧК Туркеспублики эти планы были сорваны. Начавшиеся аресты участников контрреволюционного заговора привели к тому, что мятежи вспыхнули раньше запланированного срока. В Пишпекском уезде контрреволюционный мятеж левые эсеры подняли в конце 1918 г. При поддержке кулачества они развернули борьбу против большевиков и направили все свои усилия на свержение Советской власти. Им была установлена связь с белогвардейским правительством в г. Томске, а также с бывшим царским консулом в Кульдже Любой. Мятеж, по плану, должен был начаться в Пишпекском уезде, а затем охватить всю область. В случае успеха мятежники должны были расчистить дорогу до Ташкента белогвардейским бандам казаков атамана Анненкова и генерала Щербакова.

Мятежники развернули большую агитационную работу. Их эмиссары разъезжали по селам и распространяли «воззвания», содержание которых было направлено против Советской власти и большевиков. В селах и аилах уезда кулацкий бандитизм достиг своего апогея — стали производиться погромы и избиения представителей местных органов власти. Оставшийся в уезде гарнизон был малочислен и практически не мог обеспечить полную ликвидацию беспорядков, чинимых кулаками. Численный состав гарнизона Красной Армии на 15 сентября 1918 г. выглядел так: в Пишпеке — 350 красноармейцев, имевших 320 четырехлинейных винтовок, два орудия, два пулемета; в Токмаке — 104 красноармейца, вооруженных 500 винтовками, тремя пулеметами.

Заговорщики попытались было использовать в своих интересах приказ правительства Туркеспублики о частичной мобилизации. 13 сентября молодежь из кулацких и зажиточных семей, подстрекаемая левыми эсерами, собравшись в г. Пишпек, стала требовать немедленного вооружения. Скрывая истинные замыслы, организаторы беспорядков на призывном пункте обратились к руководству области с письмом демагогического содержания, подписанным лидером левых эсеров Агафонцевым: «Пишпекского уезда мобилизованные солдаты от 20 до 35 лет полны порыва отдать все свои силы на борьбу с врагами без всякого жалования и требуют полной мобилизации, дабы смять врагов Советской власти, заменить Красную Армию регулярными войсками. Может ли быть произведена мобилизация всех пятнадцати лет, если не может, то какие тому причины? Призывные считают, что только большие отряды могут покончить с врагами. Призывные считают, что Красная Армия должна безвозмездно стать в ряды мобилизованных и пойти рука об руку со всеми. Всем ли мобилизованным будет на месте назначения выдано оружие и можно ли вооружить их (на) месте мобилизации?»³². До сего времени отдельные историки неверно толковали этот

документ и относил его авторов к революционно настроенной молодежи, тогда как цель этого письма была направлена на то, чтобы добиться доверия властей, получить оружие и повернуть его против Советской власти.

Однако усилиями пишпекских большевиков этот контрреволюционный замысел левых эсеров был сорван.

Но кулаков остановить было уже нельзя. Центром организации мятежа стало село Беловодское, где свили основное гнездо левые эсеры. В своих воспоминаниях участники революционных событий и гражданской войны в Киргизии Акименко Д. К. и Яценко П. С. отмечают факт усиленной агитационной работы беловодских эмиссаров и в других селах Пишпекского уезда³³. Уже в начале ноября 1918 г. в селах Зачуйского участка Пишпекского уезда была отмечена заметная активизация кулацких элементов. В селе Степное кулацкая банда во главе с А. Бударинным вела целенаправленный террор против членов коммуны «Заря», образованной 7 ноября 1918 г. В с. Чернореченском кулаки устроили погром, в результате которого был разогнан сельский Совет.

Исходя из сложившейся обстановки, большевики Пишпека стали принимать экстренные меры по локализации мятежа, чтобы не дать возможности беловодским кулакам распространить его по всему уезду. К коммунистам с. Георгиевского обратился председатель уездно-городского комитета партии большевиков А. И. Иванцын* с

* Иванцын Алексей Павлович (1870—1925) — участник революционных выступлений рабочих с 1903 г. Революцию 1905 г. встретил уже в рядах РСДРП. В Киргизию прибыл в 1916 году и создал здесь социал-демократическую группу. 2 апреля 1918 г. избран первым Председателем Пишпекского Уездно-городского Комитета РКП (б). Вся его дальнейшая жизнь была связана с укреплением власти народа, борьбой с контрреволюцией, со строительством новой жизни в Киргизии. Он был Председателем Особо-чрезвычайной следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией, комиссаром здравоохранения, председателем Совнаркома в Пишпекском уезде.

До конца дней своих А. И. Иванцын служил делу большевистской партии. В 1925 г. был убит в Ташкенте врагами Советской власти.

просьбой организовать поимку и арест беловодских «эмиссаров», а также ликвидировать заговор кулаков по всему участку. Коммунисты с. Георгиевского оперативно взялись за порученное дело. Им был организован вооруженный отряд под командой В. Ключвина, который и обеспечил ликвидацию кулацкого заговора в селах Зачуйского участка. По инициативе и с помощью этого отряда в селах стали образовываться отряды самообороны. Так, в с. Чернореченском после ареста кулаков и изъятия у них оружия был создан отряд самообороны в количестве 30, а в с. Благовещенском — 35 чел. Эти отряды перехватывали рассылаемые Беловодскими кулаками антисоветские воззвания, арестовывали заговорщиков. Несмотря на принятые меры, вооруженный мятеж все-таки начался в декабре 1918 г. На его подавление большевики бросили все свои силы. Был образован Военно-политический штаб во главе с председателем уездно-городского комитета РКП (б) А. И. Иванцыным и военкомом области Л. П. Емелевым*. Были мобилированы все коммунисты, члены профсоюзов, рабочие.

К беловодским мятежникам стремились присоединиться и кулаки Токмака, но партийная организация города сумела быстро ликвидировать контрреволюционный заговор и даже оказала осажденному мятежникам Пишпеку активную поддержку.

14 декабря окруженный Пишпек героически отбивал атаки подошедших вплотную к городу мятежников. На помощь осажденным пишпекцам прибывали отряды из городов Верного, Пржевальска, Токмака. Большой отряд, в 120 бойцов, прибыл из селений Зачуйского участка под командой П. Илющенко. Среди отрядов, прибывших на

* Емелев Лука Потапович (1894—1919) — активный участник создания большевистских групп в г. Верном в 1917 г. После установления Советской власти — военный комиссар и командующий войсками Семиреченской области. В августе 1919 г. в бою под ст. Аксуйской был смертельно ранен и скончался 29 сентября 1919 года.

подавление мятежа, были также отряды из Аулие-Ата и Ташкента. Активное участие в подавлении кулацко-белогвардейского мятежа принимали представители бывших военнопленных. Так, в приказе по Пишпекскому батальону от 11 декабря 1918 г. среди пунктов о зачислении вновь прибывших на помощь добровольцев есть пункт, в котором говорится о снятии с довольствия 23 чел. при команде военнопленных, убывших с отрядом на Западный фронт, т. е. так называли Беловодский фронт³⁴.

Принимая во внимание, что беловодский мятеж может разрастись и вызвать образование второго фронта в Семиречье, командование Северного Семиреченского фронта по требованию Пишпекского Военно-политического штаба сняло с фронта Пишпекский боевой отряд под командованием Я. Н. Логвиненко и направило на подавление мятежа. Стремительным темпом преодолев 600-верстное расстояние, красноармейцы 1-го Пишпекского боевого отряда 22 декабря прибыли в город. А на следующий день, после кратковременного отдыха, отряд вступил в бой. 28 декабря мятеж был окончательно ликвидирован. Мятежники в своих лозунгах не выдвигали и не могли выдвинуть никакой новой программы, кроме голых лозунгов борьбы с большевизмом, и народные массы за ними не пошли. Идеологический крах повлек за собой и военное поражение. В ознаменование победы над мятежниками, а также за боевые заслуги на Северном Семиреченском фронте 1-й Пишпекский боевой отряд, переформированный в полк, получил почетное наименование Советский.

Однако на этом кулацкие мятежи не прекратились. Летом 1919 г. подняли мятеж против Советской власти кулаки Пржевальского уезда. Помогло им военное вмешательство контрреволюции извне, ибо опоры среди населения мятежники уже не имели. Вот как описывали ход обороны города в то время газета «Голос пролетариата», выходившая в Пржевальске, и областная газета «Голос Семиречья»: «В ночь на 25 июля 1919 г. в пределы Пржевальско-

го уезда вторгся из Китая белогвардейский казачий отряд. Это была очередная попытка свергнуть Советскую власть в Киргизии. Только теперь она была предпринята в Пржевальском уезде. Белогвардейцам удалось незаметно проникнуть в опорные для них села и поднять на мятеж кулаков. Совместными силами, составляющими около двух тысяч до зубов вооруженных бандитов, они осадили город Пржевальск».

Сначала предполагалось, что свой главный удар противник нанесет со стороны села Тюп. Однако за несколько часов до рассвета из новых данных разведки стало известно, что основные силы врага сосредоточиваются в районе Ак-Су. Оперативно-политический штаб города срочно перебросил в это место отряды Рафикова, Терно и Чернова. Отряд Иосифа Чернова, состоявший исключительно из молодежи, занял самую опасную позицию — на левом фланге, чтобы не дать возможности кулакам, возглавляемым белогвардейскими офицерами, обойти город с тыла. Дальше всех вперед, в сторону противника, ушел с пулеметом Федор Бовдуй. Здесь и завязалась самая горячая схватка. Белогвардейцы весь свой огонь сосредоточили на пулеметчике, и одна из бандитских пуль смертельно ранила Ф. Бовдуйа. К замолкшему пулемету бросился Мамбет Суюмбаев, помог заряжающему вынести с поля боя умирающего Федора и сменить огневую позицию, а сам занял место наводчика. И вот пулемет снова заговорил. В цепи врагов поднялось паническое замешательство. Не выдержав ужаса свистящих пуль и падающих на глазах убитых, кулачье начало отступать. При приближении к Тюпу вечером 26 июля врага встретил пулеметным огнем отряд А. Н. Почкалова. Единственными дорогами к отступлению для них оставались устье р. Джергалан и небольшой участок в этом районе — берег Иссык-Куля. Здесь и было покончено с бандой кулаков Тюпа, Михайловки, Семеновки и Теплоключенки. Утром 27 июля обратили в бегство и кулаков села Покровка. Белогвардейцы, остав-

шнися в живых, бросили кулаков и бежали через сырты в Китай.

Беловодский и Тюпский мятежи явились едиными звеньями в общей цепи заговоров против Советской республики, руководимых и подготавливаемых контрреволюционным Сибирским Временным Правительством, а также засевавшими в Синьцзяне дипломатическими работниками бывшей царской империи. Мятеж кулаков еще раз наглядно показал трудящемуся уезду классовую непримиримость сельских мироедов с властью трудящихся. «Кулак бешено ненавидит Советскую власть и готов передуть, перерезать сотни тысяч рабочих,— писал в то время В. И. Ленин.— Если бы кулакам удалось победить, мы прекрасно знаем, что они беспощадно перебили бы сотни тысяч рабочих, входя в союз с помещиками и капиталистами, восстанавливая каторгу для рабочих, отменяя 8-часовой рабочий день, возвращая фабрики и заводы под иго капиталистов»³⁵. Эту характеристику кулачеству, данную В. И. Лениным, на собственном опыте познало трудовое крестьянство Семпречья и всего Туркестана.

В Ферганской области борьба трудящихся с контрреволюцией имела острый характер, насыщенный драматическими событиями изурительных, кровопролитных боев с озверевшими эксплуататорами. Басмаческие банды действовали во многих районах Ферганской долины, в том числе и южной Киргизии. Так, на территории Ошского уезда орудовала шайка Хал-Ходжи, к северу от Намангана до Таш-Кумыра «хозяйничал» Аман-Палван, в среднем течении реки Нарын действовали шайки Нурмата и Исраиля. В подчинение курбаши Рахманкула входили шайки Арзымата, Баястана, Аманкула. Районами действий этих шаек в основном были северная часть современного Таджикистана, а также юго-западная часть Киргизии. Банды Иргаша оперировали в Кокандском, а также в Маргеланском и Андижанском уездах. Мадамин-бек — между Скобелевым и Кокандом, а также от Маргеланского уезда по

направлению к Шаарихану, Ассаке и дальше — к Андижанскому уезду. В Наманганском уезде орудовали отдельные шайки под главенством Аман-Палвана, в районе Узгена — банда Джаныбека-казы.

В Ферганской долине наряду с басмачеством орудовали банды отщепенцев из бывших офицеров, казаков, кулаков-переселенцев. В южных районах Киргизии свирепствовали банды, возглавляемые В. Донцом (из кулаков Кугартской долины), Степановым (из казаков — бывших союзников «кокандских автономистов»), Е. Мальцевым (из кадетов и мелких собственников).

Басмачи базировались в труднодоступных местах и, как правило, не имели определенного местонахождения. Действуя преимущественно конными отрядами, весьма подвижными, они хорошо знали местность, имели разветвленную тайную агентуру. Басмаческие шайки в основном действовали разобщенно, лишь на короткое время объединения свои силы для набегов на крупные населенные пункты, гарнизоны Красной Армии, железнодорожные станции и т. д.

Потерпевший поражение в боях с красногвардейцами Иргаш, бывший «главнокомандующий войск ислама» «кокандской автономии», с остатками банды бежал в Китай, откуда, пополнив банду до 500 сабель за счет других беженцев, весной 1918 г. вернулся. Но снова был разбит и укрылся в горах. В феврале 1919 г. он объявил «священную войну», себя провозгласил ханом Туркестана и повел борьбу с Советской властью, используя программную установку «улемистов».

Навряд ли позволил бы бывший уголовник присвоить себе высший титул феодальной иерархии, даже при многочисленности своей банды, не будь у него за спиной поддержки агентов международного империализма. Только при помощи их денег и оружия смог он выдвинуться из среды равных себе. Примечательна одна деталь в биографии Иргаша. Будучи ярким панисламистом, Иргаш полу-

чает чин сотника и благословение от атамана Дутова как «верный охранитель интересов России в Фергане».

Летом 1918 г. среди басмачей Ферганы выдвинулся Мадамин-бек, который сначала сотрудничал с Иргашем, но затем отделился от него. В ноябре того же года Мадамин с бандой в 700 чел. совершил кровавый рейд по русским поселениям в районе Джалал-Абада. В 1919 г. он стал именовать себя «главнокомандующим мусульманской белой армии Туркестана». Естественно, такая амбиция должна была иметь под собой опору и эту опору составляли антисоветские силы в лице английского консула в Сипьзяне, бухарского эмира и реакционных кругов Афганистана, которые в свою очередь делали ставку на «сильную личность».

Всего в 1918—1919 гг. на территории Ферганской области орудовало свыше 40 басмаческих банд общей численностью более чем 20 тыс. чел. Но численность басмаческих банд не была постоянной, в отдельные периоды она достигала лишь несколько сот или даже десятков человек.

Временами практически оставалась лишь «личная охрана» главарей басмаческих банд, без которой ни один из них обойтись не мог. Следует отметить, что между главарями с первых дней выхода на политическую арену ни на минуту не затихала борьба за власть, которая усугублялась тем, что корни межнациональной и родоплеменной вражды были еще глубоки в стане самого басмачества. Факты недружественных отношений между главарями отдельных шаек неоднократно отмечались в сводках штаба Ферганского фронта.

Но несмотря на сложные взаимоотношения между главарями отдельных басмаческих банд, цель их была одна — свергнуть Советскую власть и вернуть эксплуататорам их былые привилегии. Когда контрреволюционное подполье подняло антисоветский мятеж в г. Ташкенте, басмаческие банды активизировали свои действия, оказывая помощь мятежникам. Надо сказать, что «помощь» ока-

зывалась не безвозмездно. Организаторы мятежа обязывались обеспечить басмаческие банды оружием, боеприпасами и проч. Когда мятеж был подавлен, то мятежники, уцелевшие от стычек с красноармейскими отрядами, не сумев пробиться к Семипалачинским казакам, вышли к Фергане, где были приняты курбаши Мадамин-беком.

В тех районах, где базировались басмачи, устранялись органы Советской власти и басмачи сами вершили административную власть. Так, в одном из своих приказов Иргаш объявляет благодарность подчиненному ему курбаши за то, что тот держал свою волость «в спокойствии»³⁰.

Однако как бы басмачи ни пытались внушить трудящимся, что являются «защитниками» мусульман от произвола большевиков и Советов, их практические действия со всей очевидностью обнажали перед народом их истинную эксплуататорскую сущность. Они терроризировали население, убивали партийных и советских работников, тормозили налаживание хозяйственной жизни. Только в декабре 1918 г. в киргизских волостях Ферганского (Скобелевского) уезда было зарегистрировано 46 басмаческих разбоев. Курбаши Хал-Ходжа вырезал почти всех членов профессионального союза, созданного в 1918 г. в Оше. Дикую расправу учинила его банда над дыйканином, решившимся сказать правду о басмачах. Ему отрезали язык, уши, нос. На голове другого дыйканина, осмелившегося выйти на молитву без чалмы, басмачи слепили из теста форму и залили ее кипящим маслом. За короткий срок в первой половине 1919 г. в Андижане басмачи убили 100 коммунистов коренной национальности. Была уничтожена половина Кувинской партийной организации. В конце 1919 г. в Чусте банда Иргаша учинила кровавую расправу над 200 бедняками, активно поддерживавшими мероприятия Советской власти. Басмачи разрушали населенные пункты, грабили мирное население городов и анлов. Все эти действия являлись неотъемлемой частью «белого террора», под соответствующ-

щими лозунгами и контрреволюционной подкладкой. Наряду с открытыми грабежами и террором басмаческие главарь накладывали на мирное население контрибуцию в виде налогов на хлеб, рис, мясо, лошадей, требовали женщин для своих джигитов. Перед каждым очередным крупным выступлением басмачи проводили воинскую мобилизацию для пополнения своих банд. Мобилизация проводилась следующим образом: по два человека с полным вооружением и лошадьми с каждого квартала (махалл), мобилизованные снабжались за счет односельчан. В случае отсутствия у мобилизованных оружия и лошади жители квартала обязаны были собрать деньги на покупку таковых. По данным штаба Ферганского фронта, налоги, взимаемые басмачами с мирного населения, в 25 раз превосходили налоги, выплачивавшиеся при царском режиме.

Басмаческий террор был рассчитан на запугивание населения Ферганской долины. Убийства партийных и советских работников, убийства за нежелание сотрудничать и, наконец, убийства ради убийства были почерком бандитов, уголовников, облаченных в тогу «защитников ислама». Особую ненависть вызывали у них промышленные рабочие, сплавивавшие трудовые массы всех национальностей. Из-за частых нападений басмаческих банд основная работа шахтеров неоднократно прерывалась.

Чрезвычайно трудную обстановку в области в этот период создало ферганское кулачество, превратившее так называемую «Крестьянскую армию» в белогвардейское орудие борьбы против Советской власти. В конце июля 1919 г. командующий «Крестьянской армией» полковник царской армии К. Монстров встретился с главарем басмаческой шайки Мадамин-беком. Во время встречи велись переговоры о совместных действиях против Советской власти. 25 июня 1919 г. в связи с объявлением хлебной монополии в Туркестане на заседании штаба «Крестьянской армии» открыто раздались призывы к свержению Советской власти и к походу на Андижан. В конце августа —

начале сентября 1919 г. в г. Джалал-Абаде при участии представителей колчаковской ставки состоялись объединенные совещания главарей многих басмаческих шайк и руководителей «Крестьянской армии», на которых обсуждались конкретные планы совместных действий против Советской власти в Туркестане. 1 сентября Монстров и Мадамин-бек подписали договор о совместных действиях против Советской власти и о своем объединении.

Ферганские контрреволюционеры вели переговоры с Семиреченской контрреволюцией, белогвардейским казачеством, на которых обсуждались планы совместных действий против Красной Армии. В агентурных сведениях, поступивших в штаб Туркфронта, говорилось о неоднократных встречах представителей семиреченских казаков с ферганскими басмачами и кулаками, на которых велись переговоры о совместных действиях против Советской власти. В первых числах сентября 1919 г. из Семиречья регулярно стали прибывать по 50—100 казаков из белогвардейской семиреченской казачьей армии. Свои объединенные действия басмачи и отряды «Крестьянской армии» начали с того, что ограбили Джалал-Абадский банк и вывезли оттуда все ценности.

На борьбу с объединенными силами басмачей и белогвардейцев вместе с Красной Армией и рабочим классом Ферганы поднялось подавляющее большинство трудящегося крестьянства. Борьба приобрела подлинно всенародный характер. В сентябре в Ферганскую область была направлена специальная комиссия из работников мусульманского бюро Компартии Туркестана. Одновременно был проведен ряд мероприятий по реорганизации руководства области. Председателем Ферганского областного ревкома был назначен Н. И. Ходжаев.

По указанию Ферганского обкома партии Реввоенсовет Ферганского фронта уже 2 сентября 1919 г. постановил зачислить в Красную Армию всех красновардейцев области. Командование Ферганского фронта доносило 11 сен-

тября 1919 г. в Ташкент: «...Вся работа почти приостановилась, все устремились на защиту республики».

Кроме мобилизации трудящихся на разгром врага, Ферганский областной комитет партии принял некоторые меры по разложению стана врагов. Политотдел РВС Ферганского фронта выпустил позывание «К крестьянам Ферганы». В нем в простой доходчивой форме излагалась история борьбы с контрреволюцией и отражалась ее классовая сущность.

Центральные бои с 10 сентября развернулись вокруг г. Андижана, который был важнейшим пунктом обороны и крепостью Советской власти в Ферганской долине. 14 дней и ночей героически оборонялись андижанцы, отбивая атаки басмаческих и белогвардейских банд. На помощь осаждаемым с Закаспийского фронта прибыл Казанский стрелковый полк им. Гинцбурга. 24 сентября объединенные силы басмачей и белогвардейцев были разбиты, Андижан освобожден от осады. 26 сентября частями Красной Армии был освобожден Ош. 30 сентября после упорных боев был занят и Джизал-Абад.

Главарь «Крестьянской армии», бежавшие с разбитыми остатками своего воинства в горы, не оставили попыток свергнуть Советскую власть. Одной из таких попыток стала организация контрреволюционного правительства, вошедшего в историю под названием «Временное Ферганское правительство». Оно было создано по инициативе английской разведки 22 октября 1919 г. на совещании главарей басмачества и белогвардейской «Крестьянской армии». Совещание проводил английский агент — бывший царский консул в Кашгаре Успенский³⁷. Главой «правительства» стал председатель Ферганского басмачества Мадамин-бек, в благодарность за «верную службу» получивший мундир полковника английской армии. Его заместителем стал бывший командующий «Крестьянской армией» полковник Монстров. «Правительство» состояло из 16 «мусульман» и 8 русских. По замыслу организаторов, оно

должно было объединить все контрреволюционные элементы и активизировать их действия против Советской власти в Туркестане.

После образования «Временного Ферганского правительства» связи английской разведки с басмачеством еще более укрепляются. По указке английских хозяев предпринимаются попытки объединить басмаческие шайки в единую армию, на принципах единоначалия. Проводятся организационные мероприятия, такие, как распределение сфер влияния между главарями крупных басмаческих банд, идет реорганизация шайк по типу военных подразделений, обучение их военному делу, а также создаются «школы» для курбашей. Велась усиленная агитация среди населения за признание «Временного Ферганского правительства». Однако попытки врагов Советской власти оказались тщетными.

В феврале 1920 г. в результате успешных военных операций и огромной разъяснительной работы среди населения Ферганской области наступил коренной перелом в борьбе с вооруженной контрреволюцией. Еще 17 января в результате боя в районе Гульчи частями Красной Армии были разгромлены остатки белогвардейской «Крестьянской армии» и был взят в плен ее командующий — Монстров.

29 января 1920 г., прижатый со всех сторон частями Красной Армии, был вынужден сдаться помощник Мадамин-бека курбаша Акбар-Али с 600 хорошо вооруженными басмачами и 2000 насильно мобилизованными им в банды дыйканами. Два дня спустя сдался курбаша Парпи с 300 джигитами.

6 марта 1920 г. в результате переговоров сдался главарь басмаческих объединений Мадамин-бек. В этот же день между командованием 2-й Туркестанской стрелковой дивизии и Мадамин-беком было подписано мирное соглашение, согласно которому Мадамин-бек и его курбаша обязывались признать Советскую власть³⁸.

9 марта 1920 г. газета «Пролетарская Мысль» в пере-

довой статье «Мир, а не война» писала: «Мирное соглашение с Мадамин-беком подписано. Закончилась двухлетняя гражданская война, истощавшая богатейший угол Туркестана — Фергану... Советская власть не пожелала добить проклятого мира противника своим великим освободительным заветом... видеть освобожденным, счастливым и мирно преуспевающим туземный народ...»³⁹.

С пленением главарей прекращает свое существование и «Временное Ферганское правительство».

Аллы военнополитических событий, происходивших в Туркестане, дает возможность утверждать, что только благодаря руководству Коммунистической партии трудящиеся массы смогли отстоять Советскую власть от белогвардейских мятежей и басмачества, не дали возможности бандитизму захватить весь край, разгромили его политически и военной силой. Это был закономерный итог идейной, моральной и политической победы трудящихся, возглавляемых партией В. И. Ленина, победы нового над старым миром, революции над контрреволюцией. И поэтому становятся совершенно беспочвенными утверждения буржуазных фальсификторов о том, что конечная победа большевиков якобы была обусловлена не объективными закономерностями, а лишь стечением обстоятельств, сложившихся не в пользу английских интервентов и басмачей, одним из которых являлось «сильное разделение и отсутствие сотрудничества среди различных белогвардейских групп»⁴⁰.

БОРЬБА С БАНДИТИЗМОМ — ДЕЛО ВСЕНАРОДНОЕ

Изо боя была еще не окончена. Окруженному со всех сторон врагами Советскому Туркестану приходилось туго. В условиях сложившейся военно-политической обстановки, отрыва от центра, опора на собственные силы была решающей. Коммунисты Туркестана, правительство республики, опираясь на широкие слои трудящихся масс, прилагали все силы к тому, чтобы обеспечить подавление со-

противления контрреволюции как на фронтах, так и внутри края, в тылу.

В первых рядах борьбы с контрреволюцией, белогвардейцами и басмачами были коммунисты. Они составляли ядро всех революционных вооруженных формирований. В уездах Киргизии только в 1920 г. на борьбу с кулацкими мятежами, басмачеством и белогвардейщиной проводилось в общей сложности свыше 20 мобилизаций коммунистов.

В тылу основной организационной формой мобилизации населения на борьбу с контрреволюцией, вылившейся фактически в бандитизм, были партийные дружины. Началом их образования в Киргизии и во всем Туркестане послужили опубликованное 8 мая 1918 г. постановление ЦК РКП(б) об обязательном обучении всех коммунистов военному делу и приказ ЦИК Туркеспублики от 15 июля 1918 г. о вооружении и военном обучении членов Советов. Под руководством большевиков трудящиеся Киргизии активно выступили на борьбу с контрреволюцией. Ярким примером массовости в борьбе с басмаческими бандами является, например, формирование красногвардейского отряда рабочих шахтерского поселка Кызыл-Кии, численность которого составила 1407 чел. О боевой деятельности и доблестных успехах кызылкийского отряда самообороны говорилось на II съезде Компартии Туркестана в конце декабря 1981 г.⁴¹

Следует отметить, что в борьбе с басмачами самое активное участие принимали трудящиеся коренной национальности. В Оше против басмаческих нападений на город активно выступала дружина, образованная из коммунистов старгородской организации. Партийные дружины из коммунистов коренной национальности создавались на рудниках Кызыл-Кии, Сулюкты и др.

На территории Туркестана, в том числе и Киргизии, создаваемые с первых дней установления Советской власти отряды Красной Гвардии и Красной Армии по своему национальному составу сразу были интернациональными.

В июне 1918 г. был сформирован 1-й Ферганский полк из воинских отрядов области, 3-й Туркестанский советский стрелковый полк, девятая рота которого состояла из киргизов, узбеков, русских г. Джалал-Абада. В г. Оше находились: 5-я Ошская пешая рота, Ошская разведывательная рота, а также отряд самообороны из горожан. В уезде создавались сельские отряды самообороны, например, в селах Кара-дехан, Мирзаки, Заргер, Таш-Башад, Джилянды, Покровка, Рождественское и т. д. Число сельских отрядов самообороны в особо напряженные моменты резко возрастало. Население активно вставало на защиту революционных завоеваний.

На всем протяжении кровопролитной борьбы с контрреволюционными бандами рабочие поселки Кызыл-Кия, Сулюкта, Чимпон, Федченко выполняли функции форпостов Советской власти в Ферганской долине. В этих и других населенных пунктах отряды самообороны и Красной Гвардии оказывали серьезную помощь регулярным частям Красной Армии.

Особенностью строительства вооруженных сил в Туркестанской АССР было то, что при оформлении воинских подразделений для трудящихся местных национальностей продолжительное время сохранялся принцип добровольности.

В августе 1918 г. Отдел по устройству и боевой подготовке войск Управления по организации армии Всероссийского главного штаба рассмотрел вопрос о формировании национальных частей Красной Армии. На основе всестороннего изучения вопроса отделом была составлена докладная записка следующего содержания: «Ввиду полной новизны дела формирования частей из киргизов и совершенной невозможности предвидеть его вероятную успешность, представлялось бы соответственным не создавать для руководства формированием какого-либо мощного органа, но учредить небольшой отдел, на котором первое время несомненно будет лежать главным образом агитационно-вербовоч-

ная работа. Впоследствии же, в случае успешности дела, означенный орган мог бы получить соответствующее развитие»⁴². Осторожность в решении этого вопроса была в определенной мере обоснованной и обуславливалась конкретной обстановкой.

Преодолевая шовинистические и националистические уклоны, большевики Туркестана вели постоянную пропагандистскую, разъяснительную работу по вовлечению трудящихся коренной национальности в ряды Красной Армии, образованию из числа добровольцев национальных частей и подразделений. Требовались усилия для преодоления также психологической неподготовленности значительной части киргизов к воинской службе. В самые глухие уголки края были командированы агитаторы, которые разъясняли сущность свершившейся революции и необходимость ее защиты. Это позволило увеличить численность киргизов, казахов, узбеков в рядах Красной Армии.

В октябре 1918 г. VI Чрезвычайный съезд Советов Туркестанской АССР принял решение об «усилении агитации в широких массах мусульманского пролетариата в пользу выступления на защиту Социалистической Родины...» В тех же областях республики, где по местным условиям и сознательности пролетарских масс была возможна быстрая организация боевых сил революции, съезд постановил «теперь же приступить к вербовке добровольческих отрядов Рабоче-крестьянской Красной Армии»⁴³.

Во исполнение решения VI съезда Советов Туркестанской республики местные власти вводили в состав мобилизационных комиссий представителей коренной национальности. Решением исполкома Пишпекского Совдепа 14 ноября 1918 г. в состав такой комиссии при военном комиссариате, был назначен член исполкома А. Рыскелдинов.

По городам и анклавам Киргизии были разосланы десятки агитаторов-коммунистов, которые разъясняли населению создавшуюся обстановку, задачи Красной Армии и призвали рабочих и трудовое местное население выступить

на защиту Советской власти от ее внутренних и внешних врагов. Наибольший приток добровольцев из коренных жителей, как правило, наблюдался там, где были выше классовая сознательность и организованность трудящихся. Реальную помощь большевикам в этом оказывали общественные организации «Букара», «Илетия», «Союз рабочих и чайрикеро» и «Союз рабочих». Члены этих организаций в числе первых вступали в ряды Красной Армии, показывая пример другим.

Наиболее подготовленную часть населения для службы в рядах Красной Армии составляли бывшие тыловые рабочие. В числе первых добровольцев, вставших на защиту революции был демобилизованный солдат-тыловик Джайнак Садаев. Еще на юго-западном фронте, где проходил службу, он получил уроки политической борьбы. В числе первых он записался в красногвардейский отряд г. Бердичева и принимал активное участие в революционных событиях. Вернувшись домой, он вступил добровольцем в Токмакский отряд, прославившийся успешной борьбой с кулацкими мятежами.

Не менее интересна судьба другого «тыловика» М. Суюмбаева. Его путь домой из германского плена лежал через Турцию. Не успев отдохнуть с долгой дороги, он вступил в боевой отряд и принимал непосредственное участие в ликвидации белогвардейского мятежа в Пржевальском уезде.

Почти мальчишками вступили в ряды Красной Армии будущий народный акын, сказитель известного эпоса «Манас» Саякбай Каралаев, в будущем народный писатель Киргизии К. Баялинов и многие другие.

Активное участие принимала киргизская беднота в подавлении беловодского белогвардейского мятежа. Со всех уголков Пишпекского уезда приходили киргизы-бедняки, чтобы защитить от врагов свою, народную власть. В братской могиле в центре г. Фрунзе, где похоронены жертвы беловодского мятежа, лежат братья по классу — киргиз

Сулейманов, татарин С. Кареев, узбек М. Маметов, русский Д. Ф. Гришин, украинец Г. Данченко, белорус М. Котелевский, героически сложившие головы за светлое будущее трудового народа.

Известную роль в вовлечении трудящихся коренной национальности в ряды Красной Армии сыграл штаб по формированию национальных частей Красной Армии, созданный в декабре 1918 г. в Ташкенте. В известной степени это было практическое претворение в жизнь постановления коллегии Наркомпаца «О национальных полках» от 7 мая 1918 г. и приказа Наркомвоен «О формировании национальных единиц» от 24 мая 1918 г.⁴⁴ В первой половине 1919 г. были образованы подотделы штаба в некоторых уездах Киргизии. Деятельность штаба и его уполномоченных усилила приток в Красную Армию добровольцев из киргизской, узбекской, казахской и другой бедноты. В составе красноармейских отрядов, сформированных в городах Киргизии в 1918 г., находились целые подразделения, состоявшие из представителей коренной национальности.

Широкая организация национальных частей Красной Армии начинается с образования при ЦК Компартии Туркестана Мусульманского бюро (Мусбюро). Руководствуясь специальным «Положением», выработанным и утвержденным ЦК КПТ, Мусбюро и его отделы на местах вели большую работу среди трудящихся коренной национальности, мобилизуя их на активное участие в советском строительстве, на борьбу с контрреволюцией. Им же осуществлялся партийный контроль за классовым отбором в ряды национальных частей Красной Армии.

В это время II-я конференция Компартии Туркестана приняла решение о мобилизации в Красную Армию 250 членов большевистской организации Туркестана и создании партийных дружин. 29 апреля 1919 г. состоялось объединенное заседание крайкома РКП(б), Мусбюро КПТ и Президиума ТуркЦНК, на котором было принято Обращение. В нем говорилось: «Коммунистическая партия, как за-

стрельщица и руководительница пролетарской революции, должна принять самое энергичное участие в деле создания действительной социалистической армии, связавшись с нею живой связью и дав свои силы для политического воспитания ее»⁴⁵. Особое значение имело также решение конференции о развертывании партийно-политической работы в войсках, среди воинов коренной национальности. Конференция обязала крайком партии создать в воинских частях Туркеспублики аппарат военных комиссаров.

По инициативе Реввоенсовета Туркфронта и Краймусбюро был образован мусульманский политотдел при политическом отделе реввоенсовета Туркфронта, а также Закаспийского, Ферганского и Семиреченского фронтов. Мусульманский политотдел состоял из трех секций: а) военной, б) информационной, в) культурно-просветительной. В задачи секций входила организация национальных частей Красной Армии, повышение культурного уровня красноармейцев, установление живой связи с партийными органами, ведение агитационно-пропагандистской работы и тому подобное.

Мусульманские секции фронтов, наряду с деятельностью по партийно-политическому воспитанию красноармейцев, вели большую агитационно-пропагандистскую работу по разложению войск противника, басмаческих банд. На Семиреченском фронте такая работа велась среди алашордынцев, находящихся на стороне белогвардейцев, а на Закаспийском и Ферганском фронтах — по разложению басмачества, вызволению из его среды обманутых и запуганных.

Практическая деятельность Мусбюро по организации национальных частей и привлечению добровольцев из числа трудящихся коренной национальности в Красную Армию выразилась в проведении пробной мобилизации в середине 1919 г. Эта важная политическая кампания проводилась в обстановке широкого подъема народных масс. В частях и гарнизонах Красной Армии, в добровольческих

отрядах стабилизировалась партийно-политическая работа, успешно проводились «недели» мусульман-красноармейцев, во время которых организовывались митинги и собрания, на которых коммунисты и политработники выступали перед бойцами и населением с докладами о сущности Советской власти, о задачах Красной Армии по защите ее от внутренних и внешних врагов. Одновременно организовывались сбор вещей и материальная помощь красноармейцам и их семьям.

Мобилизационная работа выявила большие резервы среди трудящихся коренной национальности. Она показала готовность основной массы киргизов, казахов, узбеков и других выступить на защиту Советской власти. В сводках с мест отражается динамика мобилизационной работы, проводившейся военными коммунистами при содействии органов власти, организаций РКП(б) и Мусбюро при них. Так, уже в сентябре на VIII съезде Советов Туркеспублики поступило сообщение от начальника эшелона Ф. Сайтбаева о доставке в Ташкент 428 мобилизованных красноармейцев от Пишпекской партийной организации. В сообщении также содержалась просьба о том, чтобы обучение мобилизованных по возможности было организовано на их родном языке. По сообщению военного комиссара Ферганской области, в трех городах Скобелеве, Коканде и Намангане было мобилизовано 308 чел., которых разместили в казармах уездных городов.

О моральных и боевых качествах красноармейцев-киргизов говорилось в телеграмме командования Ферганского фронта Реввоенсовету Туркеспублики: «Киргизы же показали себя весьма дисциплинированными бойцами. Нельзя ли будет прислать в Ташкент наших инструкторов для комплектования резервных частей из мобилизованных уже киргизов?»⁴⁶

Работа коммунистов на местах по привлечению добровольцев нашла горячий отклик среди трудящихся коренной национальности. Уже в июне 1919 г. Ферганский областной

военный комиссар А. С. Черняков обратился с рапортом к главному Туркеспублики о разрешении сформировать отдельную мусульманскую роту «ввиду наплыва массы желающих», которые по сформировании и обучении «просят отправки на фронт». 3 июля 1919 г., согласно приказу помощника Военкома республики Б. Шегабутдинова, в Оше был создан подотдел для приема добровольцев-мусульман в ряды Красной Армии. Такие же подотделы создавались и в других уездах Киргизии.

Подготовка и проведение мобилизации трудящихся коренной национальности в Красную Армию проходили в условиях ожесточенной классовой борьбы. Нормальному проведению мобилизационной кампании препятствовали местная буржуазия, феодалы, баи, реакционное духовенство, а также кулачество. Они всячески пытались разжечь межнациональную рознь, столкнуть коренное население с русскими, украинцами. Националисты требовали создания особой мусульманской армии и вывода всех мусульманских частей Красной Армии из Туркестана. В острой полемике с националистами большевики Киргизии, как и всего Туркестана, опирались на ленинскую национальную политику, ее программные установки. Большое значение в упрочении связей Красной Армии с широкими трудящимися массами имела деятельность в Туркеспублике выдающегося организатора Вооруженных Сил Советского государства М. В. Фрунзе. «Национальные формирования для нас — не пустая забава, не игра для удовлетворения национального самолюбия отдельных народов Союза, — говорил М. В. Фрунзе. — Это серьезная задача, вытекающая из всего характера нашего государства и определяемая основными принципами нашей внутренней и международной национальной политики»⁴⁷.

12 ноября 1919 г. Реввоенсовет Туркфронта возложил на члена РВС Б. Шегабутдинова обязанности по организации из трудовых мусульманских масс красных боевых частей. Прибыв на место назначения в г. Верный, Б. Шегабутди-

нов активизировал работу по организации национальных частей Красной Армии.

«Организация мускармии, — телеграфировал он в Краймузбюро, — ведется на следующих основах: члены городских мусорганизаций партии мобилизованы все, волостных и аульных ячеек 10%, кроме них, принимаются добровольцами пролетарии, вполне сознательные, честные, боеспособные, сочувствующие Советской власти. Работа налажена и идет вполне удовлетворительно. Решено организовать одну пехотную и одну кавалерийскую бригады в Семиробласти. Пока людей набрано на один пехотный и один кавалерийский полк»⁴⁸.

Положительное влияние на организацию национальных частей сыграл сводный Казанский полк пм. Гинцбурга, в рядах которого храбро сражались татары, башкиры и др., а также 1-я татарская стрелковая бригада. Их прибытие в Туркестан решительно опровергло провокационную агитацию реакционного духовенства и буржуазных националистов о войне русских против мусульман.

Результаты мобилизационной работы Музбюро и его отделов на местах сказались на увеличении численности добровольцев коренной национальности. Во второй половине 1919 г. на Северный Семиреченский фронт был отправлен отряд из 500 киргизов и казахов из г. Токмака. К концу 1919 г. стало возможным приступить к формированию новых национальных частей Красной Армии на фронтах Туркестана. Были сформированы 1-й Семиреченский мусульманский красноармейский полк, Дунганский кавалерийский полк под командованием Магаза Масанчи. Правительство Туркеспублики, ЦК КПТ правильно подошли к вопросу об определении рода войск новых частей, сформированных из красноармейцев коренной национальной части. Как правило, из них формировались кавалерийские части.

Ускоренными темпами готовились командные кадры для национальных формирований. В декабре 1919 г. в Ташкен-

те при школе инструкторов 1-й армии началось формирование национальной роты военных инструкторов.

8 марта 1920 г. за подписями М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева был издан приказ по Туркфронту, в котором говорилось: «В целях подготовки кадров для пополнения курсов из мусульман, не знающих русского языка, открыть при ташкентских леккурсах имени В. И. Ленина пригласительное отделение на 200 чел. с 15 марта с. г.»⁴⁹. Одновременно готовились кадры политработников для национальных частей Красной Армии.

С образованием и активным действием добровольческих национальных частей Красной Армии окончательно провалились планы буржуазно-националистической контрреволюции на поворот национально-освободительного движения в русло контрреволюции. Буржуазно-националистический бандитизм в форме басмачества лишился возможности, какую еще имел в начале гражданской войны, пополнять свои ряды из числа обманутых дыйкан и скотоводов. С этого времени начинается массовый переход басмачей, понявших свою ошибку, на сторону Советской власти. Басмачество потеряло политическую окраску, превратившись полностью в уголовный бандитизм.

В письме В. И. Ленину от 14 апреля 1920 г. М. В. Фрунзе, освещая политическое положение в Туркестане, дает исчерпывающую характеристику еще оставшимся басмаческим бандам, которые, по его мнению, теперь уже «являются чисто разбойничьими организациями без всяких примесей общественно-политического момента»⁵⁰.

Однако мирная передышка в Советской стране продолжалась недолго. Уже весной 1920 г. иностранные империалисты организуют новый поход на Советскую Россию. На этот раз во главе разбойничьих шаек встал бывший помощник, а фактически соперник Мадамин-бека Курширмат, который был тесно связан с английской агентурой. Активизировали разбойничьи действия Муэтдин и Рахманкул.

Капитуляция Мадамин-бека дала возможность Куршир-

мату удовлетворить свои честолюбивые замыслы — возвыситься над другими басмаческими главарями. «Возвышение» Курширмата было облегчено еще и тем, что закордонные «хозяева» искали кандидатуру на замещение вакантной должности «лидера» Ферганского басмачества. Осыпав Курширмата своими «милостями» — деньгами, оружием и боеприпасами, английская резидентура стала направлять его действия в борьбе с Советами в Туркестане. А чтобы придать вес персоне Курширмата в стане басмачества, на плечи ему был наброшен мундир полковника английской армии. В июле 1920 г. на совещании курбаши он получил пышный титул воителя ислама — «амир аль-муслимин».

Ближайшими сообщниками новоиспеченного полковника были курбаши Хал-Ходжа, Нурмат, Рахманкул, Аман-Палван, Парпи, Ишмат Байбача, Ахунджан и ряд главарей более мелких банд. В их шайках сконцентрировались наиболее реакционно настроенные элементы и преступники, из совести которых было немало убийств и грабежей. Общая численность басмачей в бандах по Фергане к середине лета 1920 г. составила около 30 тыс. чел. Среди них было немало дыйкан, обманутых или силой вовлеченных в банду.

Свой выход на политическую арену в качестве лидера басмаческого движения Курширмат отметил выпуском ряда «воззваний». В них он призывал все население Ферганы, а также других курбашей объединиться на борьбу с Советами и вступать в басмаческие шайки.

Участились нападения басмачей на промышленные объекты, разрушались железнодорожные и телеграфные линии. Диверсии приняли массовый характер и осуществлялись по заранее разработанному плану. Только за четыре месяца 1920 г. с июля по октябрь включительно басмачами было совершено 33 нападения, в результате которых было разрушено железнодорожных путей и телеграфных линий 63 версты и сожжено 40 хлопкозаводов⁵¹.

Басмачи не скрывали своих так называемых «международных связей». Напротив, в их прокламациях и листовках во всеуслышание заявлялось о том, что они пользуются поддержкой «иностранного государства».

Особого внимания заслуживает авантюристический трюк Курширмата, связанный якобы с участием афганских солдат в его бандах. С мая 1920 г. Курширмат и приближенные ему курбаши с целью поднять дух отряда и привлечь население на свою сторону, стали убеждать окрестных жителей в том, что «афганцы идут к нему на помощь». Показания сдавшегося Советской власти курбаши Муэтдина Байбачи, однако, свидетельствуют о том, что «афганцев у Курширмата нет ни одного»⁵². Тем не менее материальная помощь и оружие басмачам поступали. Так, по агентурным сводкам, «Хал-Ходжа и Курширмат винтовками и патронами снабжаются из Гульчи, Оша, Скобелева, ожидают также получить большую партию винтовок из Бухары»⁵³. Оружие для басмачей в городах и селах добывали в основном их лазутчики, а также бан. Так, например, в старом городе Оше баями устраивались секретные склады, куда собиралось все необходимое для шайки Хал-Ходжи, в частности одежда, провиант, оружие, боеприпасы и пр. Мелкие шайки басмачей, разбросанные по всей Ферганской области, не прекращали грабежей и насилия в кыштаках, айлах и селах. Чувствуя себя хозяевами районов, где сосредоточены их банды, некоторые курбаши, как, например, Рахманкул, позволяли себе взимать налоги не только с населенных пунктов, но и окрестных торговых трактов. По его приказу высылались разъезды на Аулие-Атинскую дорогу, где ими взималась пошлина с товаров, провозимых в Аулие-Атинский уезд и обратно.

Особым коварством и жестокостью отличался главарь банды басмачей Муэтдин Усман-Алиев известный в истории Ферганского басмачества под именем Муэтдин-бека. В марте 1920 г. вместе с Мадами-беком он сдался Красной Армии и был назначен командиром эскадрона одного из пол-

ков Интернациональной бригады. Однако действия его эскадрона были далеко не советскими. Командиром полка С. Ю. Кучуковым был поднят вопрос о необходимости разоружения муэтдиновского эскадрона. Но Муэтдин предвосхитил предполагаемое разоружение, вывел свой эскадрон в ущелье Аранд и, убив своего помощника Кара-Ходжу, а также 12 джигитов, склонных остаться верными Советской власти, в августе 1920 г. с отрядом в 390 чел. ушел в горы.

— Вскоре по численности своего воинства, а также по масштабам действий Муэтдин-бек составил конкуренцию признанному «лидеру» басмачества Курширмату. На почве неразделенной власти между ними не раз происходили стычки. Но что было общего, так это их нападения на гарнизоны Красной Армии, а также на мирные поселки и кыштаки. Не щадили они всех, кого мало-мальски подозревали в сочувствии Советской власти. С одинаковым хладнокровием убивали бандиты женщин, детей, стариков.

Басмачи разрушали ирригационные сооружения, отводили воду от полей крестьян. Так, по распоряжению Хал-Ходжи была отведена вода от русских сел Шарихана, чем нанесен немалый вред хозяйствам этих сел. По сообщению заведующего ирригацией Туркеспублики, только в одном районе Султан-Абаде нарушенные басмачами работы по ирригации создали угрозу засухи 1/3 территории Ферганы⁵⁴.

Борьба с активизировавшимся басмачеством потребовала усиления организационных мер со стороны советских властей и Красной Армии. 7 мая 1920 г. был издан приказ за подписью командующего Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе и председателя ТуркЦИКа т. Рыскулова о призыве в ряды Красной Армии 30 тысяч граждан коренного населения в возрасте от 19 до 35 лет. Исполнение приказа возлагалось в основном на местные пивовые органы Советской власти — кыштакные и айльные Советы. Согласно приказу, число призываемых было распределено строго пропорционально плотности населения. Началом мобили-

зации считалось 25 июня 1920 г. Однако областным мобилизационным комиссиям в силу тех или иных обстоятельств разрешалось несколько отсрочить начало проведения мобилизации на своей территории, но не позднее чем до 10 июля⁵⁵.

Проводя в жизнь провозглашенный Советской властью принцип равноправия наций, открыв свободный доступ в Красную Армию трудящимся нерусских национальностей, партия пришла к выводу о целесообразности организации национальных воинских формирований. 10 мая 1920 г. В. И. Ленин подписал постановление Совета Труда и Обороны о призыве в Красную Армию трудящихся нерусской национальности. В постановлении говорилось: «Признать, что граждане нерусской национальности Сибири, Туркестана и других окраин подлежат призыву в ряды Красной Армии на одинаковых основаниях с остальными гражданами РСФСР»⁵⁶. Издание этого постановления было подготовлено всем ходом исторического развития первого в мире многонационального социалистического государства.

Враги Советской власти развернули усиленную провокационную деятельность, направленную на срыв набора в Красную Армию. Учитывая это, реввоенсовет Туркфронта в лице командующего фронтом М. В. Фрунзе и члена РВС Ю. Ибрагимов послал 17 июня 1920 г. телеграмму Политотделу фронта, ТуркЦИКу, крайкому партии, всем облвоенкомам, ревкомам и обкомам партии, в которой указывалось на необходимость «принять немедленно ряд мер агитационного порядка для широкого оповещения мусульманского населения об истинных причинах и целях, которые преследуются предстоящим набором». Предписывалось ежедневно помещать во всех газетах и во всех печатных изданиях соответствующие объявления и статьи на русском и местных языках; выпускать специальные плакаты и листовки; организовывать митинги с широким привлечением всех наличных агитационных сил и средств и пр.

Политотделу фронта предлагалось взять руководство

кампанией в свои руки и использовать все силы и средства, имеющиеся в его распоряжении, для планомерного ее проведения⁵⁷.

Партийные и советские органы, политорганы Красной Армии уделили особое внимание разоблачению вражеских измышлений о Красной Армии и изложению ее задач на Востоке, систематическому освещению хода мобилизации во всех районах Туркестана. Мобилизации коренных жителей посвящались и листовки, выпускавшиеся на русском и национальных языках. Такова, например, листовка «Значение мусульманской Красной Армии». В ней, в частности, говорилось: «Цепкие лапы капиталистов Англии уже давно думают прибрать к своим рукам Туркестан. Мусульмане! Вашему трудовому Советскому государству грозит новое порабощение... Нужно организовать мусульманскую Красную Армию и для этого объявлена мобилизация мусульман».

Из каждого кишлака будет взято по два-три человека, и они пройдут школу Красной Армии. После окончания войны они будут рассадниками коммунистической жизни и строительства Советов... Спешите, трудящиеся мусульмане, откликнуться на зов Советской власти и встать в ряды Красной Армии»⁵⁸.

Для разъяснения сущности и значения мобилизации коренного населения Туркеспублики в Красную Армию на места были посланы агитаторы. Большую работу по мобилизации киргизского населения проделал особоуполномоченный ТуркЦИКа Муратбек Лаумулли. В результате обследования условий жизни киргизов им были намечены конкретные пути преодоления трудностей, вызванных гражданской войной. В докладной записке в ТуркЦИК он сообщил: «Во исполнение поручения Военного Совета Туркдивизии по добровольному набору киргиз в Киргизскую кавалерийскую бригаду мной были организованы около 400 чел. и переданы в распоряжение Военного Совета 2-й стрелковой Туркдивизии в г. Фергане. Следующая

партия тоже свыше 400 чел. организуется и будет передана по моему возвращению в Фергану». Сам процесс набора добровольцев, по констатации М. Лаумуллина, «проходил повсюду вполне добровольно и безболезненно, с сознанием долга, благодаря предварительным разъяснениям значения службы»⁵⁹.

В газете «Пролетарская Мысль» от 30 июня 1920 г. было опубликовано также «Обращение к киргиз-кипчакскому населению Ферганской области», написанное Муратбеком Лаумуллиным. Обрисовав общую тяжелую обстановку в стране и республике, указав на огромную роль Красной Армии не только в борьбе с врагами, но и в экономическом возрождении страны, особоуполномоченный призвал своих собратьев: «Записывайтесь добровольцами в ряды доблестной Красной Армии, дабы своим горячим братским участием укрепить те великие завоевания социальной революции, которые кровью и жизнью добыл российский революционный пролетариат»⁶⁰.

Обращения и меры, принятые лично М. В. Фрунзе, местными партийными и советскими органами, сделали свое дело: казахи и киргизы проявили высокую активность, добровольно вступая в ряды Красной Армии. Результаты этой крупной политической кампании превзошли все ожидания и разрушили надежды и усилия контрреволюции. Только по Ферганской области на призывные пункты явилось 11475 чел., тогда как по плану намечалось 9350 чел. В Ошском уезде было мобилизовано 1288 киргизов и узбеков, в киргизских районах Наманганского уезда — 447 чел. Для охраны границ в Нарынском и Пржевальском уездах были сформированы рота и два конных эскадрона. В целом план мобилизационной работы был выполнен. Национальные формирования Красной Армии внесли большой вклад в дело разгрома басмачества и всех контрреволюционных сил в Средней Азии.

Много имен уже широко известных и еще неизвестных героев гражданской войны и борьбы с басмачеством сохра-

нили архивы и память их соратников. Время неумолимо, и все меньше живых участников и современников этих событий мы можем встретить сегодня. Имя одного из них — Ситохина Якова Ельпидифоровича, прожившего 90 лет, персонального пенсионера союзного значения, кавалера ордена Красной Звезды, скончавшегося в 1979 г., еще неизвестно киргизскому читателю, хотя его жизнь в грозные годы борьбы с белогвардейцами и басмачами была связана также с Киргизией.

Пастух сельского общества на Орловщине, Яков Ситохин в годы гражданской войны был принят в партию большевиков. Организаторские способности и мужество выдвинули его в командиры разведчиков Туркестанского фронта. Вместе с такими же, как он, тысячами и десятками тысяч вчерашних крестьянских парней он был белогвардейцев, подавлял кулацкие мятежи у себя на родине, громил банды басмачей на территории Киргизии. К сожалению, Я. Е. Ситохин не оставил письменных воспоминаний, но в последние годы жизни он решил посетить места героических будней своей юности, приехал к сестре и внучке во Фрунзе, проехал через Молдовановку, Пишпек, Беловодское, вспоминая «дела минувших дней» и эпизоды борьбы с врагами революции. Позже в составе войск под командованием М. В. Фрунзе Я. Е. Ситохин участвовал в штурме последнего крупного оплота басмачества в Средней Азии — Бухары⁶¹.

Пока неизвестно читателю и имя другого нашего земляка — соратника Я. Н. Логвиненко — Яковлева Терентия Яковлевича, прошедшего всю гражданскую войну на туркестанских фронтах, активного участника подавления басмачества. По воспоминаниям родных Логвиненко и сына Терентия Яковлевича, ныне преподавателя Фрунзенского политехнического института Яковлева В. Т., всю свою жизнь он провел в кавалерийских частях, затем участвовал в строительстве мирной жизни.

Немалый вклад в дело разгрома контрреволюции в

Средней Азии внесли воины-интернационалисты, в частности, чехи, венгры. Один из них, чье имя с гордостью помнят и чтут киргизы, чешский коммунист-интернационалист Эрнест Францевич Кужело (1890—1934 гг.). Окончив в 1911 г. Венское военное училище, он в первую мировую войну служил в австро-венгерской армии, в 1914 г. сдался в русский плен. После революции (1918 г.) вступает в Коммунистическую партию, формирует интернациональные части Оренбургского фронта, с ноября 1918 г. — командир отряда им. 3-го Интернационала в Фергане, позже — 2-го Интернационального полка им. К. Либкнехта. Э. Ф. Кужело отличился в боях с басмаческими бандами в Ошском районе, в Андижанском и Наманганском районах Ферганской области.

Летом и осенью 1920 г. проводится ряд успешных операций по разгрому басмаческих банд, в которых отличились Киргизский полк, действовавший в составе бригады под командованием интернационалиста Э. Ф. Кужело, Киргизский отряд, сражавшийся в составе 1-й кавалерийской бригады, а также запасной полк численностью 1000 чел., состоящий из киргизов и узбеков.

20 июня 1920 г. специальным приказом командующий Туркфронтом М. В. Фрунзе объявляет благодарность Каракиргизскому дивизиону за проявленную доблесть в боях с басмачами в Алайской долине⁶². Национальные части и формирования сыграли свою положительную роль в борьбе с контрреволюционными националистическими течениями и иностранной интервенцией. Их формирование и успешное действие явились одной из причин краха политического бандитизма, опиравшегося ранее на национализм в районах Средней Азии.

Борьба с басмачеством в Фергане, в том числе в южных районах Киргизии, во второй половине 1920 г. была облегчена двумя важнейшими обстоятельствами: победой над основными силами интервентов и белогвардейцев (разгром Врангеля и заключение перемирия с Польшей) и победой народной революции в Бухаре (сентябрь 1920 г.). Изгнание

бухарского эмира и его приспешников ослабило позиции басмачества в Фергане, но тем не менее банды басмачей все еще продолжали орудовать в долине и в горных районах. Националистическая контрреволюция и ее покровители пытались создать коалицию из контрреволюционных сил в Туркестанской республике и пограничных районах Китая и Афганистана. Для координации совместных действий, как сообщала разведка того времени, в Фергану летом 1920 г. намеревался перебраться атаман Дутов с верными ему казачьими частями⁶³. Однако из этой контрреволюционной затеи ничего не вышло. Ликвидация Семипречепского и Закаспийского фронтов дала возможность сосредоточить на Ферганском фронте крупные воинские части. К концу 1920 г. сюда прибыло из Семиречья и с бывшего Бухарского фронта несколько стрелковых бригад и кавалерийских полков.

Части Красной Армии и добровольческие отряды продолжали теснить шайки басмачей и уже в октябре-декабре 1920 г. почти вся Ферганская долина была очищена от бандитов. Оставались только горные районы, куда бежали главари с остатками своего «воинства».

В конце ноября 1920 г. Красная Армия нанесла сокрушительный удар по группировкам Курширмата и Алияра. Преследуемые частями Красной Армии, их банды разбились на мелкие шайки и бежали в сторону границы — в Алайскую долину.

Когда основные силы басмачей были разгромлены и рассеяны по Фергане, 5 ноября 1920 г. в Нарыне контрреволюционерам во главе с бывшим офицером Д. И. Кирьяновым удалось спровоцировать мятеж кулацкой части 3-го пограничного полка и гарнизона г. Нарына, охранявших государственную границу с Китаем. По заранее разработанному плану мятежники из укрепления Ат-Башы в ночь с 6 на 7 ноября ворвались в г. Нарын. Во время ночных арестов ими были расстреляны председатель угоркома партии Х. Мусабаяев, председатель угорЧК С. Орозбеков, тя-

жело ранен военный комиссар Копылов и арестовано 47 партийных, советских работников. Мятежники предполагали установить связь с главарями ферганского басмачества, которые должны были наступлением на Ташкент отвлечь силы Красной Армии, с кулацким подпольем в Пржевальске, Токмаке и Пишпеке, а также оповестить о начале восстания находящихся в Кульдже атаманов Аннепкова и Дутова с целью получения военной помощи⁶⁴. Руководители мятежа предприняли попытку наступления по направлению к линии Токмак-Пишпек-Ташкент. Однако этим планам не суждено было сбыться. Коммунисты и комсомольцы Пишпекского, Пржевальского и Токмакского уездов провели срочную мобилизацию всех своих сил. В результате принятых мер и решительного наступления частей Красной Армии мятеж был локализован, а затем и ликвидирован. Местное население за мятежниками не пошло. В Нарыне была восстановлена Советская власть.

К исходу 1920 г. и началу 1921 г. численность басмаческих шаек повсеместно резко сократилась. Они были оттеснены в горы, лишены основных продовольственных баз. Население кыштакон и аялов отказывалось обеспечивать банды фуражом и продуктами. Исключения составляли бан, мананы, богатое духовенство, однако и они в зимних условиях не могли постоянно обеспечивать басмаческие шайки. Все реже удавалось басмачам захватывать продовольствие силой. Этому препятствовали Красная Армия и отряды добровольцев (добротряды), которые стали создаваться почти во всех населенных пунктах.

Разгромив основные силы внутренней и внешней контрреволюции, страна стала переходить к мирному строительству. Однако на юге Киргизии, как и во всей Фергане, басмаческие банды по указке хозяев из-за кордона еще долго не складывали оружия.

Характеризуя успехи Красной Армии и их влияние на народы Востока, В. И. Ленин писал: «Я думаю, что то, что проделала Красная Армия, ее борьба и история победы

будут иметь для всех народов Востока гигантское, всемирное значение. Она покажет народам Востока, что как ни слабы эти народы, как ни кажется непобедимой мощью европейских угнетателей, применяющих в борьбе все чудеса техники и военного искусства, тем не менее революционная война, которую ведут угнетенные народы, если эта война сумеет пробудить действительно миллионы трудящихся и эксплуатируемых, эта революционная война таит в себе такие возможности, такие чудеса, что освобождение народов Востока является теперь вполне практически осуществимым с точки зрения не только перспектив международной революции, но и с точки зрения непосредственного военного опыта, проделанного в Азии, в Сибири, опыта, который проделан Советской республикой, подвергшейся военному пагубству всех могущественных стран империализма»⁶⁵.

Таким образом, можно прийти к выводам: гражданская война 1919—1920 гг. была развязана свергнутыми эксплуататорскими классами, вооруженную опору которых составили белогвардейские отряды, кулацкие банды и буржуазно-националистические басмаческие шайки; в разгроме контрреволюции важную роль сыграли национальные формирования Красной Армии. Лозунги шовинизма, национализма, панисламизма, являвшиеся идеологической платформой контрреволюции, не нашли поддержки в трудящихся массах. Победили принципы интернационализма, пролетарской солидарности, дружбы между народами.

Политический бандитизм хотя еще не полностью, но уже потерпел крах, шайки басмачей повсеместно стали вырождаться в уголовные банды, в политическую платформу которых уже не верили даже сами их вдохновители и организаторы. Но они еще оставались опасными для Советской власти и с ними продолжалась самая беспощадная борьба. Им противостояли уже не слабые отряды самообороны и добротряды, а регулярные части Красной Армии и ее национальные формирования.

КРАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО БАНДИТИЗМА В НЕОБЪЯВЛЕННОЙ ВОЙНЕ

Итоги трех лет гражданской войны дали два противоположных результата. Один из них, главный, заключался в том, что в ходе классовой битвы упрочился союз революционного пролетариата России с трудящимися национальных окраин.

Второй итог являл собой безрадостную картину разрушенных хозяйств, обеднение населения и голод. В Киргизии басмаческие банды нарушили нормальную работу шахт Кызыл-Кии, Сулюкты, разрушили Шураб, сожгли копи Кок-Янгака. Сильно пострадала хлопкоочистительная промышленность. Вдвое сократилась площадь поливных земель, в пять раз — посевная площадь под хлопок. Большой урон был нанесен животноводству: почти вдвое по сравнению с 1917 г. сократилось поголовье скота.

29 августа 1920 г. на заседании Реввоенсовета Туркфронта, проходившего под председательством В. В. Куйбышева, было принято решение: об отпуске денежных средств Военсовету Ферганской области, в общей сложности 70 млн. руб., из которых 50 млн. руб. предназначались для выдачи пособий населению, пострадавшему от набегов и грабежей басмачей и 20 млн. руб. — для непредвиденных расходов, связанных с подавлением басмаческого движения⁶⁶.

В середине 1920 г. ЦК РКП(б) в постановлении «О задачах РКП(б) в Туркестане» определил в качестве самой важной — радикальное решение земельного вопроса, ибо на почве неравенства в пользовании землей и водой оставался еще нераспутанным сложный клубок противоречий между местным диканством и байством, переселенческой беднотой и кулачеством. Предстояло обеспечить фактически одинаковые права на землю и воду коренного и переселенческого населения, без чего нельзя было успешно вести социалистическое переустройство в Туркестане.

Реализация этого важного в политическом отношении мероприятия вошла в историю как «земельно-водная реформа». Главным ее назначением было полностью ликвидировать унаследованные от царизма остатки колониализма в земельном вопросе. К тому же, в ноябре 1920 г. в целях восстановления, сохранения и развития животноводства трудовых кочевников Туркестанской республики, Совет Народных Комиссаров принял постановление об освобождении их от скотопоставок государству. Но это постановление не распространялось на байские хозяйства. В целом осуществление реформы, естественно, ущемляло экономическое положение кулачества и байства. При этом реформа влила в анд и кыштак живительную струю политического подъема и классовой организации трудящихся, способствовала укреплению их хозяйств.

Все реже достигала цели яростная антисоветская пропаганда и агитация. И уже совсем приуныли кулаки и бан, когда русская и киргизская беднота протянула друг другу руки, объединяясь в смешанные союзы «Кошчи». Надежды врагов Советской власти на обострение межнациональных отношений на почве реформы и перераспределения инвентаря и скота не оправдались. Перспектива наступавшего краха теснее сомкнула на классовой почве русское кулачье с киргизскими баями и манапами, подняла их на новое активное сопротивление. Одинаково популярными среди них были огонь и кинжал, ложь и провокации, заигрывания с народом и подкупы. Нередко почную тишину разрывали глухие выстрелы из обрезов — использовался весь арсенал политического бандитизма. Вновь были призваны на помощь басмачи-головорезы, учинившие кровавую расправу над беднотой.

В новых условиях политический бандитизм остался важной формой сопротивления контрреволюции строительству социализма. Политический бандитизм включал в себя не только идеологические диверсии, но и открытый террор против партийных и советских работников, преследовав-

ший целью запугать население, внести анархию в управление, создать предпосылки для подрывной работы против советского, хозяйственного и культурного строительства. Специфической особенностью борьбы с бандитизмом в национальных районах страны являлось то, что здесь острые социальные проблемы переплетались с решением национального вопроса. В Туркестане организаторами басмаческого бандитизма оставались осколки обанкротившихся буржуазно-националистических и клерикальных партий, придававшие отдельным выступлениям политический характер.

Международный империализм также пока еще не отказался от намерения превратить Туркестан, Бухару и Хорезм если не в колонии, то хотя бы в зависимые от Запада государства.

Одной из подпольных контрреволюционных организаций, действовавших в Туркестане, был «Комитет национального объединения», созданный буржуазными националистами Джанузаковым и Абдурашитовым по инструкции международного авантюриста из Турции Эвер-паша. Главными деятелями «Комитета» были ташкентский муфтий Садретдин-ходжа Шарифходжаев, Гариф Каримов, Юсулбек Курбанов, Рустамбек Ниязбеков. Эта строго конспиративная организация пыталась распространить свое влияние по всему Туркестану, готовила вооруженные контрреволюционные выступления. В киргизских и казахских айлах Семиречья деятельность по подготовке националистического выступления возглавлял Джанузаков. Однако благодаря бдительности Особого отдела ЧК, весной 1921 г. «Комитет национального объединения» был частично ликвидирован.

Советская власть последовательно осуществила ряд экономических мер, рассчитанных на полную изоляцию басмачей. Под влиянием непа многие буржуазно-предпринимательские элементы отказались от сотрудничества с басмачами; так как мирная обстановка отвечала и их ин-

тересам. Постепенно отвернулось от басмачей и рядовое духовенство. Областной съезд казиев и биев, состоявшийся в декабре 1921 г. в Коканде, в особом воззвании к басмачам предложил сложить оружие во имя шариата для восстановления хозяйства и занятия мирным трудом⁶⁷.

После того, как с населения были сняты торговые ограничения, а земледельцы получили возможность свободно распоряжаться излишками урожая, широкие слои населения стали продавать хлеб, мясо и другие продукты красноармейским частям за деньги, а не отдавать их «воином ислама» бесплатно. Дыйканство начинает прятать продукты от басмачей, которые в своей агонии удвоили насильственные действия, жесточайший террор и грабеж.

Зловещую роль в оживлении басмачества сыграл Эверпаша, зять турецкого султана, бывший военный министр Турции. Появившись на Туркестанской земле в конце 1920 г., он развернул свою деятельность как глашатай пантюркизма и панисламизма. Его активно поддерживала английская разведка и реакционные круги Афганистана. Им были заключены соглашения с Курширматом и главарем хорезмских басмачей Джунанд-ханом о координации действий против Красной Армии.

Организованные и руководимые контрреволюционным подпольем и агентами империалистических держав, банды действовали по заранее намеченному плану, грабили государственные сыпные пункты, портили железнодорожные пути, имеющие продовольственное значение, и наконец, систематически истребляли продовольственные отряды. В функции продовольственных отрядов того времени входила охрана урожая, доставка его на приемные пункты. Как правило, они формировались из числа крестьян, выращивших этот урожай.

Приведенные данные можно проиллюстрировать примерами преступных действий басмаческих банд в южной Киргизии. Весной 1921 г. басмачи из банды Музтдина напали на обоз с продовольствием, следовавший из Узгена в

Ош. В составе обоза было более 100 арб, 30—40 быков и около 50 навьюченных хлебом ослов. И все это под охраной продотряда из 150 чел. во главе с Легуровым и Султановым. В районе Кар-Тобе (ныне совхоз «Отуз-Адыр») отряд подвергся нападению басмаческого развезда, который был отбит. Затем на отряд напала банда Муэтдина. Над обессплевшими бойцами была совершена кровавая оргия—продотрядовцы все погибли.

Командованием области в наиболее крупных селах и городах были организованы гарнизоны частей Красной Армии. Совершенствовалась тактика боевых операций по борьбе с басмачеством: проводилось своеобразное процеживание кыштаків пехотными частями, создавались летучие конные отряды и их резервы в центральных пунктах на случай крупных операций.

Командованием Туркестанского фронта были направлены в Ферганскую долину части 3-й Туркестанской дивизии. Сюда прибыли 9-я кавалерийская и 8-я стрелковая бригады, 15-й, 16-й, 17-й и 19-й кавалерийские полки и 26-й авиационный отряд. Это позволило значительно усилить наступательные операции Красной Армии.

Проявляя гуманность, Ферганский областной ревком неоднократно предоставлял возможность бандитам искупить свою вину добровольной сдачей властям. Весной 1921 г. был объявлен месячник их явки. Некоторые курбашы и рядовые басмачи по одиночке и группами являлись с повинной. Были и такие, которые в сложившейся для них неблагоприятной обстановке просто не видели для себя иного выхода и использовали «добровольный» приход, как маневр. Например, курбашы Джаныбек-казы в апреле 1921 г. добровольно сдались органам Советской власти и до декабря 1921 г. враждебных действий не предпринимал. Однако все это время он тайно готовился к вооруженному выступлению, что органами ЧК было замечено уже в октябре того же года. Вскоре он вновь выступил против Советской власти.

В связи с подобными случаями Турккомиссия и Туркестанский ЦИК приняли специальное постановление, в котором всем органам Советской власти предписывалось разоружать поголовно сдавшихся басмачей и брать их под строгий надзор.

Летом 1921 г. части Красной Армии и отряды народных добровольцев сосредоточили силы против группировок Курширмата и Исранла. В первых же боях банды понесли большие потери. Используя старые уловки, Курширмат вышел из окружения мелкими группами по труднодоступным урочищам. Местом сбора для вышедших из окружения бандитов он назначил кыштак Шахимардан. Выбор был не случайным. Именно здесь свили свое гнездо ярые националисты-контрреволюционеры. Приезд в Шахимардан Курширмата они использовали для того, чтобы поднять его авторитет, пошатнувшийся после поражения. Курширмата нарекли «ханом Ферганы», устроив по этому случаю пышную церемонию. Однако в разгар «торжества» в кыштак ворвались отряды Красной Армии и «хану» пришлось спастись бегством. В сентябре 1921 г. основные силы Курширмата были разбиты, правда, сам он сумел скрыться. В ноябре 1921 г. почти полностью была разгромлена банда Рахманкула, но главарю удалось бежать. После разгрома банд Курширмата части Красной Армии и отряды народных добровольцев сосредоточили усилия против банд Муэтдина. Его банды обладали маневренностью, хорошо ориентировались на местности, что усложняло борьбу с ними. Муэтдин внезапно появлялся в различных районах, подвергая осаде отдельные гарнизоны Красной Армии. Он совершал неожиданные нападения на русские поселки, наскоки на города Ош и Андижан, сопровождавшиеся грабежами, насилием, массовыми убийствами не только партийных и советских работников, комсомольцев и активистов, но и простых мирных жителей. После налетов банды быстро уходили в горы.

В начале 1922 г. части Красной Армии предприняли по-

вые боевые действия против басмачей. Во избежание дальнейшего кровопролития в марте-мае 1922 г. командование войсками Ферганской области предложило Муэтдину перемирие. Однако главарь банды всячески затягивал переговоры, не желая сдавать оружие. Чувствуя, что дни его сочтены, в отчаянии он предпринимает ряд дерзких нападений на части Красной Армии, а 3 июля врывается в г. Ош. Разграбив электростанцию, больницу и ряд торговых складов, а затем учинив кровавую расправу над жителями окрестных кыштак, Муэтдин со своей бандой попытался было уйти от преследования, но прижатый к горным перевалам, 6 июля вынужден был сдаться. Не удался ему и побег. Вскоре он вместе со своим штабом предстал перед судом и получил должное возмездие.

Не дожидаясь такой же участи, Джаныбек-казы запросил мира, завершившегося полной сдачей в апреле 1922 г.

В течение 1922 г. на сторону Советской власти перешли 137 курбашей и 2420 рядовых басмачей, сдавших оружие. В ликвидации столь значительных сил басмачества в Ферганской долине огромную роль сыграла проводимая в жизнь ленинская национальная политика и большая помощь населению, шедшая из Советской России. Только в 1921—1922 гг. трудящиеся РСФСР выделили из своих скудных ресурсов 4,5 млн. пудов хлеба для туркестанского дыйканства, позволившего дыйканам переходить к посеву хлопка.

Большое значение для организации разгрома ферганского басмачества имел приезд в мае 1922 г. в Туркестан Г. К. Орджоникидзе и Ш. З. Элиава. С их участием были выработаны конкретные меры по ликвидации басмачества и созданию таких условий, в которых оно уже не могло бы возродиться. Большой упор был сделан на сочетание военных действий Красной Армии с претворением в жизнь политических, экономических и культурных мероприятий по повышению жизненного уровня трудящихся Туркестана.

Для окончательного разоблачения басмачей в глазах

населения большое значение имели открытые судебные процессы над их главарями, которые собирали многие тысячи жителей городов и сельских окрестностей. Показания свидетелей о зверствах, чинившихся басмачами, вызывали единодушное требование трудящихся сурово покарать бандитов. Такие суды проходили в г. Оше над Муэтдином и его приближенными, в г. Коканде над Рахманкулом, в г. Намангане над Аман-Палваном, а также над курбашей Сангином, Исламкулом и др., всего над 50 главарями басмачей. Во всех случаях трудящиеся требовали для осужденных бандитов высшей меры наказания — расстрела.

Однако на территории Южной Киргизии местами еще продолжали действовать сравнительно небольшие банды басмачей. Большие силы басмачей сосредоточились в Алайской долине.

В конце июля 1923 г. был разработан план их ликвидации. Было создано два специальных отряда во главе заместителем наркома внутренних дел Туркеспублики А. Ярмахамедовым и П. Р. Маликовым, Ошским угоркомом и местными органами Советской власти принимались конкретные решения по советизации Алайской долины. В операции участвовали киргизы и трудящиеся других национальностей, живших на Памире. В успехе операции была немалая заслуга добровольческой милиции. Многие милиционеры отличились в боях, были представлены к наградам. В результате уже к осени Алайская долина была очищена от басмаческих банд.

С августа по ноябрь 1923 г. проводились боевые операции в Чаткальской долине против банд курбаша Баяса и его брата Султана. В операциях вместе с подразделениями 4-го Туркестанского полка активное участие принимал Ала-Букинский добровольческий отряд под командой Нуркула Орозалиева. Военный нажим и широкая агитационная работа добротрядцев ускорили разложение банды Баяса, насчитывавшей до 700 вооруженных басмачей, и добровольную ее сдачу. В общей сложности за девять месяцев

бесперывных боевых операций басмачи Ферганы в 1923 г. потеряли 320 курбашей и около 3200 басмачей, из них добровольно сдались 175 курбашей и 1477 басмачей.

В октябре 1923 г. Реввоенсовет Ферганского фронта разработал план операции по окончательному разгрому басмачей в Ферганской долине и горных районах Южной Киргизии, на местах создавались постоянно действующие «Совещания по борьбе с басмачеством», которые проводили политико-массовую работу по разложению басмаческих шаек, занимались трудоустройством сдавшихся басмачей.

Ряд активных участников борьбы с басмачеством был награжден орденами и памятными подарками. Среди них киргизские командиры К. Исабаев, Н. Орозалиев, К. Камчибеков, С. Кучуков и др.

Култай Исабаев имел большой авторитет среди жителей Кугартской долины. Принимал самое активное участие в разложении басмаческих банд — отрыве обманутой бедняцкой части от ярых уголовников и антисоветчиков. Неоднократно участвовал в переговорах с отдельными главарями басмачей, которые, как правило, приводили к добровольной сдаче их Советской власти. За боевые действия против басмачей в 1923 г. награжден орденом Красного Знамени.

В ликвидации басмаческого отребья в Наманганской зоне важная роль принадлежала Нуркулу Орозалиеву. С первых дней установления Советской власти дыйканин из Ала-Буки встал на ее сторону, испытав всю тяжесть жизни рабочего-тыловика и издевательств царской администрации в годы империалистической войны.

В конце 1918 г. Н. Орозалиев организовал отряд добровольцев, который приступил к обороне с. Ала-Буки. С 1920 г., взаимодействуя с добротрядом А. Осмонбекова и частями Красной Армии, добровольцы-киргизы под его командованием вели мужественную борьбу с басмаческими бандами Аман-Палвана, Якуббека и др. Осенью 1922 г.

отряд принимал непосредственное участие в осуществлении плана агентурно-оперативных мероприятий по захвату этих бандитов и остатков их банд. При активной помощи киргизских трудящихся масс отряд выполнил поставленную перед ним задачу. Главари басмаческих банд предстали перед революционным судом. В 1923 г. Н. Орозалиев был награжден орденом Красного Знамени.

Кадырбек Камчибеков в 1919 г. был волостным управителем Кашгар-Кышлакской волости Ошского уезда, активный участник борьбы с басмачеством. С 1921 г. — член Военного Совета Ферганской группы войск. Награжден орденом Красного Знамени в 1923 г.

Сулейман Кучуков в 1919 г. работал зав. госкопюшнями в г. Оше. В результате сфабрикованного контрреволюцией документа о якобы готовящемся его аресте, как бывшего унтер-офицера, в августе 1919 г. перешел к Джалал-Абадским мятежникам. Но вскоре осознал свою ошибку и с конца февраля 1920 г. вновь в рядах Красной Армии. Командовал дивизионом, затем — полком. Награжден орденом Красного Знамени.

И таких известных имен — десятки и сотни, а еще больше безымянных героев, сыгравших решающую роль в политическом и военном разгроме контрреволюции и басмачества.

Шестую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции население Ферганы и Киргизии встречало в условиях долгожданного мира, хотя еще продолжительное время отдельные шайки басмачей, прорывавшиеся из-за границы, пытались нарушить мирный ход социалистического строительства.

Политически контрреволюция и басмачество потерпели полный крах. Отдельные шайки уголовников из-за границы, без определенной политической платформы уже не могли повлиять на ход мирной жизни. Трудящиеся Киргизстана, как и все труженики Средней Азии, активно включились в социалистическое переустройство общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для того, чтобы понять, почему борьба с кулацкими мятежами и басмачеством на территории Туркестана имела затяжной характер и почему Советское государство, окрепшее к концу гражданской войны, не обрушилось всей своей военной мощью на ликвидацию этого зла, следует еще раз обратиться к ленинскому учению о классовой борьбе.

В лагере контрреволюции на разных этапах борьбы оказывалось определенное число обманутых бедняков. Поэтому основные усилия партии большевиков направлялись на то, чтобы вырвать их из цепких лап свергнутых эксплуататоров посредством агитации. Военные же действия со стороны Советской власти являлись ничем иным, как ответными мерами на террор и насилие басмачей над мирными жителями и были призваны укрепить социалистическую законность, обеспечивавшую социалистическое переустройство края.

В. И. Ленину принадлежит историческая заслуга в разработке четкой тактики и принципов борьбы с контрреволюцией и бандитизмом. В его статьях, письмах, выступлениях по поводу борьбы с бандитизмом давались главные направления и конкретные пути ликвидации контрреволюционных выступлений и установления социалистического правопорядка. В классовой борьбе В. И. Ленин ставил

важным условием опору на собственные силы. «...Бороться всеми своими силами на местах с контрреволюцией,— писал он,— это — одна из самых главнейших задач местных партийных организаций...»⁶⁸

Исходя из сложившихся конкретно-политических условий, Центральный Комитет Коммунистической партии Туркестана и правительство Туркеспублики направляли все усилия на искоренение политического и уголовного бандитизма. При этом делался основной упор на инициативу трудящихся масс, что позволило начать переход на территориально-милиционную систему устройства и комплектования вооруженных отрядов трудящихся.

Борьба с бандитизмом в Киргизии и во всем Туркестане в этот период велась в основном национальными частями Красной Армии, добровольческими отрядами самообороны, милицией, Частями особого назначения (ЧОН), войсками ЧК — ГПУ. Общее руководство этой борьбой осуществлял ЦК Компартии Туркестана через областные и уездно-городские комитеты РКП(б) и советские органы на местах.

Неувядаемой славой покрыли себя добротрядцы под командованием А. Осмонбекова, Н. Орозалиева, А. Д. Комара и многих других.

На страницах периодической печати Туркеспублики, на конференциях и собраниях освещались факты героической борьбы трудящихся с басмаческими шайками.

В октябре 1922 г. на Пленуме Ферганского облгоркома Компартии Туркестана отмечалось, что одной из действенных мер по борьбе с басмачеством была организация милиции из трудящихся коренной национальности, численность которой к указанному времени в области составляла 5000 чел.⁶⁹ В 1922 г. в Пишпекском уезде прошло формирование киргизского кавалерийского дивизиона, причем желающих стать в его ряды оказалось очень много, больше, чем требовалось для этого.

По призыву краевого комитета комсомола в Семиречье был сформирован добровольческий отряд из 200 чел. для отправки на борьбу с басмачами. В числе этого отряда были комсомольцы Пишпекского, Пржевальского уездов, принявшие непосредственное участие в разгроме банд.

В 1921 г. почти все комсомольцы Ферганской области в возрасте старше 16 лет перешли на казарменное положение. Они привлекались к патрульной и охранной службе, выезжали на боевые операции. Во главе молодежных добровольческих отрядов чаще всего стояли комсомольцы. Храбро сражались эскадрон, где военкомом был комсомолец С. Татыбеков, а политруком комсомолец К. Юнусов; добровольческие отряды под командованием Б. Ашурова, П. Кудайбергенова и Х. Шамсутдинова.

Большой вклад в дело разгрома бандитизма в период перехода к нэпу внесли Части особого назначения (ЧОН). В штабах ЧОН в порядке партийной дисциплины должны были состоять все члены партии, комсомола, не исключая женщин. Мужчины зачислялись для прохождения строевой службы, а женщины и подростки — для штабных, санитарных и других вспомогательных работ.

Местными партийными и советскими органами охрана работающих на полях дыйкан и крестьян возлагалась на военпродотряды и партийные дружины, которые были созданы на основании приказа Центрального Совета профессиональных союзов Туркестанской республики от 20 января 1921 г. «О мобилизации и призыве членов профсоюзов и о формировании профсоюзами военпродотрядов».

Огромную роль в борьбе с контрреволюцией, политическим и уголовным бандитизмом в период перехода к нэпу сыграли войска ВЧК — ГПУ, милиция, уголовный розыск, суды.

В конце 1920 — начале 1921 г. Семиреченская облЧК под непосредственным руководством ее председателя Ф. И. Эйхманса выявила и в кратчайший срок разгромила глубоко законспирированное контрреволюционное под-

полье, ядро которого составляли кулачество и белогвардейщина. Осевшие в Семиречье после разгрома Анненкова и Дутова. Деятельность подполья направлялась английской разведкой из Китая. Оно располагало в большом количестве оружием и боеприпасами, имело план свержения Советской власти на местах. Частью этого плана явился мятеж в Нарыне 6 ноября 1920 г., который был разгромлен объединенными силами воинских частей и отрядов, сформированных из коммунистов и добровольцев.

В Ферганской области был раскрыт план очередного выступления белобандитов. Их попытка сгруппировать в районе Кугарт-Узген все антисоветские силы и совместно с басмаческими бандами выступить против Советской власти успеха не имела.

В распространении и активизации политического бандитизма немалую роль сыграло православное и мусульманское духовенство. В Киргизии не было ни одного мятежа, начиная с 1918 г., чтобы в нем не принял участия «святой отец», и не дал своего благословения на убийства и грабежи. Так, в мятеже кулаков с. Дмитриевки Аулие-Атинского уезда активно подталкивал крестьян выступать против Советской власти поп Фивейский. Отслужил молебен для беловодских мятежников попы Ткаченко и Островский. Поп Ткаченко даже организовал специальный Черный отряд «имени архангела Гавриила» для истребления антихристов-большевиков. В июле 1918 г. во время подготовки Беловодского мятежа поп села Георгиевское натравил на учителя Литвинова и его семью кулаков. Окружив школу, они выбили стекла, двери и подвергли жестокому избиению сельского учителя.

Разнузданная антисоветская агитация попов, использовавших для этого церковные амвоны, пресекалась органами юстиции и ЧК.

Большую роль в разжигании басмаческого бандитизма сыграло мусульманское духовенство, объединенное в реакционную клерикальную партию «Улема». Именно муллы

стали «крестными отцами» политического бандитизма в Туркестане. Прикрываясь демагогическими лозунгами о «защите ислама», «защите шарната» и т. п., они призывали в качестве военного орудия против Советской власти шайки уголовников-басмачей. В течение всего периода гражданской войны реакционное мусульманское духовенство благословляло отпетых головорезов «во славу аллаха» на убийства, грабежи и насилия. Провозглашая идеи панисламизма и пантюркизма, муллы и ишаны не гнушались помощью «неверных» англичан и белогвардейцев, дабы свергнуть Советскую власть и провозгласить Туркестан «халифатом» или «ханством» со средневековыми устоями.

Цинизм и надругательство над религиозными чувствами коренного населения заключались еще и в том, что некоторые наиболее кровавые главарь басмаческих банд носили духовный сан. Такими, например, были Хал-Ходжа, называвший себя «ишаном», а также басмаческий курбаши мулла Абдукахар и другие выходцы из духовных сословий.

Крах политического бандитизма, окончательная ликвидация басмачества на территории Киргизии, военный разгром контрреволюции стали возможны благодаря неустанной пропагандистской работе Коммунистической партии, социалистическому переустройству некогда отсталого патриархально-феодального края. Успехи земельно-водной реформы, первые социалистические преобразования привели к глубочайшему духовному и материальному перелому в жизни киргизского народа, всецело принявшего Советскую власть как свою родную.

Не оправдались надежды контрреволюции и ее внешних покровителей добиться реставрации капиталистических порядков, внести раскол в межнациональные отношения в Средней Азии. Враги Советского государства потерпели полное и окончательное поражение. Борьбу с мелкими бандитами и непрошенными «гостями» из-за кордона, с уголовным бандитизмом завершили правоохранительные органы.

Опыт борьбы с политическим бандитизмом в республиках Средней Азии имеет непреходящее значение для освобождающихся от пут империализма народов Азии, Африки и Латинской Америки. Идеологические противники первого в мире социалистического государства весьма извращенно представляют процесс революционной борьбы в национальных районах страны, игнорируя действительную расстановку классовых сил, искажая роль политических партий, процесс социалистического развития отдельных районов нашей многонациональной страны. Истинной подоплекой таких махинаций различного рода «советологов» является стремление отвлечь от революционной борьбы народы, вставшие на путь национального освобождения, ослабить притягательную силу идей научного коммунизма, затухать негативную роль международного империализма в разжигании межнациональных конфликтов и необъявленных войн против прогрессивных режимов.

Сегодня как никогда нужны правда о революционной борьбе народов Страны Советов против эксплуататоров, обобщение их опыта социалистического созидания. Весь мир стал свидетелем борьбы трудящихся Демократической Республики Афганистан с врагами Апрельской революции. Многие из их сегодняшнего имеет свою аналогию в нашем далеком вчерашнем. Политический бандитизм, ставший составной частью вооруженного выступления контрреволюции против завоеваний Октября, был наиболее опасным, так как он вырастал за спиной отражавшего натиск классовых врагов трудового народа.

Сегодня за рубежом «советологами» и «экспертами» басмачество представляется как спонтанно возникшее и глубоко «народное движение». Но действительность была иной. Зарубежным фальсификаторам хорошо ответил из-

вестный французский журналист и историк Аллег: «Конечно, борьба против басмачей была долгой и нелегкой, но они никогда не получали активной поддержки в народных массах. Дехкане быстро разобрались в их истинных целях. Им было достаточно понаблюдать за поведением главарей басмачества во временно захваченных ими районах, где они быстро восстановили «старый порядок», т. е. власть феодалов и крупных землевладельцев. Последние же, «взяв дела в свои руки» и проявляя свою власть, учинили кровавые расправы над бедняками и дехканами, которых они заподозрили в симпатиях к «Красной звезде...»

Но минуло то время, когда муллы заставляли трепетать осмелившихся ослушаться законов эмира дехкан, угрожая им божьими карами. Узбекские, киргизские, таджикские и туркменские крестьяне, вступив добровольцами в милицейские отряды, окончательно изгнали остатки контрреволюционеров»⁷⁰.

Киргизский народ, вместе со всеми трудящимися Средней Азии и Казахстана в братском содружестве с другими народами СССР в исторически короткие сроки ликвидировали разруху гражданской войны и приступили к строительству социализма.

14 октября 1924 г. киргизский народ обрел впервые в истории национальную государственность, тогда же была создана киргизская национальная письменность — важные вехи в общественно-политической жизни народа. Вместе со всеми советскими народами киргизский народ гордится достигнутыми успехами, которые убедительно демонстрируют, что только социализм создает реальные возможности для преодоления экономической и культурной отсталости. «Пример Советского Киргизстана, — говорится в юбилейном постановлении ЦК Компартии Киргизии, — как и других республик, ярко свидетельствует, что в условиях зрелого социализма происходит дальнейший расцвет социалистических наций и народностей, укрепление и развитие новой

социально-классовой интернациональной общности советского народа»⁷¹.

Ныне республики Советского Востока и среди них Советский Киргизстан являются примером построения нового общества для развивающихся афро-азиатских стран, использующих советский опыт, ярким маяком на их пути к светлому будущему.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 3—4.
2. Миц И. И. История Великого Октября, т. 3. М.: Наука, 1979, с. 390.
3. Постановление ЦК Компартии Киргизии «О 60-летию Киргизской Советской Социалистической Республики и Коммунистической партии Киргизии». Газ. «Советская Киргизия», 1984, 28 апреля.
4. N. M. Shahranl. The Kirghis and Wakhi of Afghanistan: adaptation to closed frontiers, University of Washington Press, Siattle and London, 1979, p. 39.
5. Nayit B. Turkestan in Herzen Euroasiens. Köln, 1980, s. 301—303.
6. R. Cagnat, M. Jean. Le milieu des empires ou le destin de l'Asie centrale entre la Chine, URSS et islam, Paris, 1980, p. 273.
7. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 442.
8. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 10.
9. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 315.
10. Статистический ежегодник (1917—1923 гг.), т. 1, Ташкент, 1924, с. 45.
11. См.: Зима А. Г. Советы в Киргизии в 1917 г. Фрунзе, 1962, с. 51.
12. Подсчитано по материалам ЦГА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1157, лл. 142—143, 155—156, 178—181, 195, д. 1177, л. 116 об, д. 1160, л. 42.
13. Черненко К. У. Избранные речи и статьи. М.: 1984, с. 242—243.
14. См.: За власть Советов. Сб. воспоминаний. Фрунзе, 1966, с. 42.
15. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 402—403.
16. Tereza Rakowska-Harmstone. Russia and Nationalism in Central Asia. The case of Tadzhikistan. London: The gohus Hopkins Press, 1970, p. 18.
17. Michael Rywkin. Russia in Central Asia. London, 1963, p. 52.
18. Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Сб. док. Алма-Ата, 1964, с. 444—446.
19. Цит. по: Эндриу Ротштейн. Когда Англия вторглась в Советскую Россию. М.: Прогресс, 1982, с. 68.
20. Там же.
21. См.: Зевелев А. И. Из истории гражданской войны в Узбекистане. Ташкент, 1959, с. 87.
22. Ленин В. И. О Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1960, с. 406.
23. Победа Октябрьской революции в Киргизии. Сб. документов. Фрунзе, 1980, с. 182.
24. ЦГА Кирг. ССР, ф. 89, оп. 1, д. 25, л. 3; д. 45, л. 183.
25. Никишов П. П. Борьба за упрочение власти Советов в Киргизии. Фрунзе, 1977, с. 28.
26. ЦГА Кирг. ССР, ф. 89, оп. 1, д. 24, л. 73.
27. См.: Вопросы истории Коммунистической партии Киргизии. Сб. статей. Вып. 1, Фрунзе, 1962, с. 53.
28. ЦГА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 13(6), л. 136. *
29. ЦГАСА, ф. 110, оп. 1, д. 25, л. 372.
30. См.: Иностранная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, т. 1, Алма-Ата, 1963, с. 533.
31. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 40.
32. ГААО Каз. ССР, ф. 489, оп. 1, д. 97, св. 8, л. 171.
33. Отдел рукописных фондов Отделения общественных наук АН Кирг. ССР, д. 104, л. 12, 16, 19.
34. См.: Уездно-городские парторганизации Киргизии, 1918—1924 гг. Сб. документов и материалов. Фрунзе, 1968, с. 63.
35. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 39.
36. ЦГАСА, ф. 110, оп. 1, д. 25, л. 370—370 об.
37. Там же, л. 615.
38. Там же, д. 61, л. 101.
39. «Пролетарская Мысль» — орган Ферганского областного Комитета РКП(б), облревкома и политотдела 2-й Туркдивизии. — ЦГАСА В—235.
40. См.: например: Силверлайт Дж. Дилемма победителей. Союзная интервенция в гражданской войне России. Лондон, 1970, с. 397.
41. Уездно-городские парторганизации Киргизии. Сб. документов и материалов, с. 71—72.
42. ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 96, л. 332.
43. Съезды Советов РСФСР, автономных республик РСФСР. 1917—1922 гг. Сб. документов, т. 1, М., 1959, с. 256—289.
44. См.: Политика Советской власти по национальному вопросу за три года. 1917—1920. М., 1920, с. 163.
45. Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Туркестана 1918—1924 гг. Ташкент, 1958.
46. Разгром контрреволюционных сил в Киргизии в годы иностранной

- военной интервенции и гражданской войны. Сб. документов. Фрунзе, 1983, с. 225—226.
47. Фрунзе М. В. Избранные произведения, т. 2. М., 1957, с. 191.
48. См.: Рыскулов Т. Революция и коренное население Туркестана, ч. 1 (1917—1919 гг.). Ташкент, 1925, с. 158.
49. См.: Зевелев А. И. Из истории гражданской войны в Узбекистане. Ташкент, 1957, с. 172.
50. См.: Иностранная военная интервенция..., т. 2, с. 594.
51. См.: Зевелев А. И., Поляков Ю. А., Чугунов А. И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. М., 1981, с. 73.
52. ЦГАСА, ф. 110, оп. 1, д. 94, л. 104, 222.
53. Там же, л. 477—494.
54. ЦГАСА, ф. 110, оп. 1, д. 121, л. 143. — Записка члена ТуркЦИКа Н. Поракулова в штаб командующего Ферганской группы.
55. Партархив Узбекского филиала ИМЛ, ф. 60, оп. 1, д. 200, л. 81.
56. Декреты Советской власти, т. 8. М., 1976, с. 176.
57. См.: М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. М., 1941, с. 284—285.
58. Партархив Узбекского филиала ИМЛ, ф. 60, оп. 1, д. 1469, л. 3.
59. См.: газ. «Пролетарская Мысль», № 113, 30 июля 1920 г. ЦГАСА, В—235.
60. Там же.
61. Ситохни Яков Ельпидифорович (некролог). Газ. «Алтайский строитель», 1979, 8 августа. А также воспоминания родственников, ныне проживающих в г. Фрунзе.
62. Иностранная военная интервенция..., т. 2, с. 447—448.
63. ЦГАСА, № 110, оп. 1, д. 94, л. 222. — Из агентсводки информотдела Туркфронта от 8 июля 1920 г.
64. Архив музея истории народов Узбекистана им. Айбека. — Из материалов выездной Сессии Революционного Военного Трибунала Туркестанского фронта от 30 марта 1921 г.
65. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 321.
66. ЦГАСА, ф. 110, оп. 1, д. 5, л. 91. Из протокола заседания РВС Туркфронта.
67. См.: Шерстобитов В. П. НЭП в Киргизии. Фрунзе, 1964, с. 208.
68. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 52.
69. ЦГА Кирг. ССР, ф. 13, оп. 4, д. 16, л. 130—134.
70. Henri Alleg. Etoile Rouge et Croissant vert (L'orient Sovletique) Paris, 1983, p. 110, 118.
71. О 60-лети Киргизской Советской Социалистической Республики и Коммунистической партии Киргизии. Постановление ЦК Компартии Киргизии. — «Советская Киргизия», 1984, 28 апреля.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Соотношение классовых сил в период установления и утверждения власти Советов	11
Волки собираются в стаю	22
Формирование Красной Гвардии	31
В огненном кольце	38
Борьба с бандитизмом — дело всенародное	54
Крах политического бандитизма в необъявленной войне	76
Заключение	86
Примечания	94

Владислав Ишеналиевич Абылгазиев

КРАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО БАНДИТИЗМА

Спецредактор доктор исторических наук,
член-корреспондент АН Кирг. ССР
В. М. Пляских

Редактор издательства В. К. Оренбургина
Худ. редактор Б. Каракеев
Технический редактор Р. Тапканова
Корректор С. Джамакеева

ИБ № 2739

Сдано в набор 08. 06. 1984 г. Подписано к печати 15. 10. 84 г.
Д—02527. Формат бумаги 70×108¹/₂. Бумага типографская № 1
«Литературная» гарнитура. Печать высокая, 3,0 физ. печ. л.
4,20 усл. печ. л. 4,625 учетно-изд. л. 4,375 усл. кр.-отт.
Тираж 4000. Заказ № 168. Цена 15 коп.

Ордена Дружбы народов издательство «Киргизстан».
720737, г. Фрунзе, ул. Советская, 170.

Киргизполиграфкомбинат им. 50-летия Киргизской ССР
Госкомиздата Киргизской ССР.
720461, ГСП, Фрунзе, б. ул. Жигулевская, 102.

15 к.

8887